I. Сороковые и пятидесятые годы.

Бракъ моихъ родителей состоялся въ 1833 г.[1]).

Супружеская жизнь моихъ родителей, длившаяся 25 лѣтъ, прошла для нихъ вполнѣ счастливо и въ рѣдкомъ единеніи и близости. Разставаться имъ приходилось не часто, въ большинствѣ только въ лѣтнюю пору, но тѣмъ не менѣе писемъ ихъ другъ къ другу у меня сохранилось множество, въ особенности писемъ матушки. Письма ея—почти исключительно на французскомъ языкѣ, но съ часто встрѣчающимися русскими фразами, написанными не безъ ошибокъ, тогда какъ французскій текстъ и стилемъ, и въ грамматическомъ отношеніи, безупреченъ, адресованныя отцу, отличавшемуся большой аккуратностью, подшиты въ отдѣльныя тетрадки съ обозначеніемъ, въ большинствѣ случаевъ, года, къ которому они относятся. На оболочкѣ пачки писемъ 1839 г. рукою отца изображено слѣдующее характерное для той эпохи четверостишіе:

Ses lettres de 1839.

«C'est toi, qui tiens ma main, quand je marche dans l'ombre
«Et les rayons du ciel me viennent de tes yeux!
«Mon destin est gardé par ta douce prière:
«Elle veille sur moi, quand mon ange s'endort...[2])

---

[1]) Какъ письменное воспоминаніе объ этомъ событіи, у меня сохранился слѣдующій документъ, подписанный «Княгиня Софья Павловна Оболенская» (моя бабушка, родная сестра князя Павла Павловича Гагарина, извѣстнаго тѣмъ, что подъ его предсѣдательствомъ были разсмотрѣны Государственнымъ Совѣтомъ и утверждены судебные уставы Александра II): «Реэстръ приданаго княжны Софьи Андреевны Оболенской». Реэстръ написанъ на двухъ, скрѣпленныхъ шелковымъ шнурочкомъ, твердыхъ, словно пергаментныхъ, листахъ пожелтѣвшей бумаги четкимъ красивымъ почеркомъ. Начинается онъ перечнемъ «Божіего Милосердія»,— всего 7 иконъ, при чемъ одна изъ нихъ обозначена такъ: «образъ съ мощами преподобнаго Нила Столбянскаго въ серебряной вызолоченной ризѣ». Послѣ иконъ слѣдуетъ перечень наиболѣе цѣнныхъ вещей, потомъ серебра; въ этомъ отдѣлѣ имѣется такой заголовокъ: «Серебряный нахтишъ» (рукомойникъ, тазъ и т. д.); въ отдѣлѣ бѣлья поражаетъ количество его; такъ, напримѣръ, рубашекъ голландскаго полотна, платковъ и чулокъ—по 6 дюжинъ, «кофточекъ перкалевыхъ» 15 штукъ, 174 столовыхъ салфетокъ при 13 скатертяхъ. Затѣмъ множество платьевъ, сшитыхъ и въ кускахъ, а въ томъ числѣ платья «изъ пунцоваго шали», изъ «бѣлаго шали», «бланжевое, шитое синелью, «малиновой матеріи», 12 разныхъ капотовъ и изъ нихъ два ватошныхъ, платье изъ «Букъ-муслину, шитое белью съ золотомъ», 18 шемизетокъ и «канзу», 8 шарфовъ разныхъ цвѣтовъ, одинъ изъ которыхъ «блондовый»; имѣются «кусокъ малиновой Терно», шуба черно-бурой лисицы—«покрыта голубымъ атласомъ», 6 дюжинъ разныхъ перчатокъ, 5 дюжинъ атласныхъ башмаковъ, 12 паръ кожанныхъ и «2 пары туфлевъ», 12 банокъ помады, 6 голубыхъ перьевъ и «пукетъ Марабу». Я сохранилъ орѳографію безъ измѣненія.

[2]) Ея письма 1839.

«Это ты, кто ведетъ меня за руку, когда я бреду въ темнотѣ
«И небесный свѣтъ льется на меня изъ твоихъ очей!
«Судьба моя охраняется твоей нѣжной молитвой:
«Она охраняетъ меня, когда мой ангелъ-хранитель засыпаетъ...

Отецъ чрезвычайно любилъ путешествія и малыя, и большія и, предпринимая ихъ, не щадилъ себя, обѣгая и осматривая въ посѣщаемыхъ мѣстахъ рѣшительно всѐ, что, хотя сколько-нибудь, могло представиться интереснымъ; при этомъ отецъ обычно велъ записки или даже дневники, часть которыхъ сохранилась. Всю жизнь отецъ стремился попасть за границу, много разъ совсѣмъ было собирался уже выѣхать изъ Россіи, но каждый разъ, въ послѣдній моментъ, являлось какое-либо препятствіе, и ему такъ и не удалось побывать въ Западной Европѣ. Отецъ составилъ самъ повѣствованіе о неудачныхъ попыткахъ заграничнаго путешествія, изложивъ его въ предисловіи къ дневнику поѣздки въ Одессу и Крымъ, состоявшейся въ 1846 году. Вотъ начало предисловія:

«Найденная знаменитымъ Лафатеромъ съ Галемъ путешественная косточка находится именно у меня; съ годами она ростетъ, а съ нею вмѣстѣ, не по днямъ, а по часамъ, ростетъ во мнѣ яростное желаніе странствовать по Божіему міру. Несмотря на то, наконечникъ моего страннического посоха только что не дѣвственъ. За недостаткомъ истинныхъ путешествій я съ ребяческимъ малодушіемъ вписываю въ главу странствій даже поѣздку для освидѣтельствованія Буньковскаго моста подъ Богородскомъ[1]). Едва я сажусь въ экипажъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ путешествовать, хотя бы во время Буньковской поѣздки,—ужъ у меня мостъ и Богородскій острогъ на второмъ планѣ и даже много дальше; ужъ я не совѣтникъ губернскаго правленія[2]), а путешественникъ. Я немедленно вооружаюсь наблюдательностью, какую Богъ послалъ, вооружаюсь съ смѣшнымъ излишествомъ; смотрю на Богородскихъ чиновниковъ не какъ на подчиненныхъ, а какъ на Гоголевскіе типы. Однимъ словомъ, за неимѣніемъ Левантскаго, пью ячменный кофе. А путешественная косточка ростетъ и ростетъ и съ нею вмѣстѣ ростетъ яростное желаніе странствовать».

Затѣмъ въ предисловіи слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ мать отца поссорилась, по поводу достоинствъ врачей Шмита и Буяльскаго, съ дружившей съ нею семьей, съ которой она сговорилась поѣхать въ Парижъ съ отцомъ, которому было тогда 9 лѣтъ, и отказалась изъ-за ссоры отъ заграничной поѣздки. Произошла эта первая путешественная неудача отца въ Петербургѣ въ 1816 году. Бабушка Софья Ѳоминишна жила тогда, послѣ смерти дѣдушки, вдвоемъ съ единственнымъ сыномъ въ Петербургѣ, получая отъ прадѣда, пребывавшаго въ Тамбовской губерніи, въ своемъ имѣ-

---

[1]) Московской губерніи.
[2]) Отецъ служилъ въ Москвѣ, но очень не долго.

ніи, на содержаніе всего 5000 руб. (асс.), что и тогда казалось небольшой суммой. Поэтому жили они очень скромно на Выборгской сторонѣ; изъ оконъ ихъ дома была видна церковь Іоанна Богослова, стоявшая «за лабораторіей,—за лѣскомъ, виднѣвшимся изъ нашей улицы, выходившей прямо въ поле», куда отецъ ходилъ гулять и взбирался на «небольшой курганъ, стоявшій посреди пространныхъ огородовъ, съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что путь туда пролегалъ не улицею, а прямо изъ нашего сада, черезъ калитку, узкою тропинкою, протоптанной между сплошными грядами капусты и луку».

Второе покушеніе на заграничную поѣздку имѣло мѣсто, когда отцу минуло 17 лѣтъ, что было въ 1827 году. «Я только что,—пишетъ онъ въ предисловіи,—кончилъ курсъ ученія въ блаженной памяти университетскомъ пансіонѣ[1]) съ правомъ на чинъ XII класса и съ разными намеками на то, что есть на свѣтѣ различныя науки, изученіемъ которыхъ человѣкъ,при желаніи и при удобномъ случаѣ, можетъ заняться. Да еще, при выпускѣ, на торжественномъ актѣ, намекалъ Дмитрій Львовъ на пользу наукъ вообще и исторіи въ особенности; но намекъ его былъ слишкомъ продолжителенъ,—листовъ пять печатныхъ, поэтому его никто не слушалъ». Дѣдъ отца остался однако доволенъ полученнымъ имъ воспитаніемъ и рѣшилъ было, по совѣту молодого офицера Ладыженскаго, для завершенія ученія отправить отца на три года въ Гейдельбергъ. Отецъ возликовалъ и замечталъ о томъ, «какъ волосы у меня будутъ лежать на плечахъ, а отчаянная фуражка съ признакомъ козырька на ухѣ». Но судьба вторично обидѣла его; въ тотъ же день, когда отцу была объявлена обрадовавшая его резолюція Федора Андреевича (моего прадѣда), матушка его сообщила, «что сама намѣревается сопутствовать мнѣ и переселиться въ Гейдельбергъ на все время моего тамъ пребыванія. Съ удовольствіемъ,—заключила она,—готова я принести эту жертву для сына. Какое-то мудреное чувство овладѣло мною. Ладыженскій сдѣлалъ, впрочемъ довольно вѣжливо, гримасу. Дѣдушка нахмурилъ брови, замолчалъ, три раза пустилъ юлою кольцо съ своего пальца по столу и, молча, ушелъ въ кабинетъ. Дѣло было утромъ. Ладыженскій, простившись съ нами, пошелъ къ дѣдушкѣ, котораго мы не видали до самаго обѣда. За обѣдомъ дѣдушка былъ не въ духѣ и не въ мѣру молчаливъ, а вечеромъ онъ сказалъ матушкѣ, что передумалъ и ни подъ какимъ предлогомъ не желаетъ отправлять меня за границу. Вотъ тебѣ и путешествіе! Вотъ тебѣ и Гейдельбергъ!»

---

[1]) Въ Москвѣ.

Разстроились еще въ теченіе жизни отца четыре попытки попасть за границу по различнымъ, дѣйствительно неожиданно налетавшимъ, но непреоборимымъ, препятствіямъ, и отцу въ его любви къ путешествіямъ пришлось ограничиться предѣлами Россіи. Приготовленія къ заграничнымъ экскурсіямъ доставляли отцу неизчислимо много хлопотъ: съ невѣроятной аккуратностью онъ доставалъ, выписывая ихъ изъ-за границы, всевозможные путеводители и руководства, составлялъ точные и подробные маршруты, обозначая въ нихъ не только числа выѣзда и пріѣзда, но даже часы, выписывая на особыхъ листкахъ четкимъ почеркомъ, для каждаго города и мѣстечка, гдѣ предполагалъ останавливаться, все, достойное осмотра, и намѣчая даже цѣны въ гостиницахъ, прогоны и стоимость проѣзда по почтовымъ трактамъ, на пароходахъ и на открытыхъ тогда уже кое-гдѣ желѣзныхъ дорогахъ. Да и не такъ просто и легко было въ тѣ отдаленныя уже времена выѣхать изъ Россіи. Въ 1844 г., напримѣръ, пошлина на заграничный паспортъ для каждаго лица равнялась 50 рублямъ, а какъ примѣръ того, насколько не легко было получить сей драгоцѣнный документъ,—чѣмъ очевидно обуздывалось желаніе русскихъ гражданъ знакомиться съ существовашими въ Европѣ порядками, приведу отрывокъ изъ письма отца къ одной знакомой.

15 декабря 1850 г.

... Дѣло въ томъ, что, вернувшись въ Кулеватово[1]), я впалъ въ обычное сумасшествіе и принялся за составленіе маршрутовъ. Надо признаться, что во время оно это дѣло было много проще теперешняго. Бывало возьмешь дорожную карту Европы и любой путеводитель, отмѣтишь главные пункты; прочтешь объ нихъ въ путеводителѣ, соединишь ихъ, согласно картѣ, мысленными ломанными линіями, разочтешь расходы денежные и расходы времени съ обозначеніемъ и завтраковъ, и обѣдовъ и ночлеговъ, да и дѣло съ концомъ. А нынѣ не то: только что сегодня кончилъ маршрутъ совсѣмъ на очистку,—глядишь завтра, поганый нѣмецъ открываетъ какую-нибудь новую часть желѣзной дороги. Дѣлать нечего,—выправишь, передѣлаешь, пожалуй и перебѣлишь... Глядь,—тотъ же, или подобный нечистый нѣмецъ, еще куда-нибудь отщепнетъ пару другую чугунныхъ колей. Просто бѣда: стѣсненіе такое, что и сказать неможно. А тутъ еще Прусскій король началъ кюммель тянуть. Оно было сначала и ничего, да, глядя на него, ударились въ пойло и бурши и филистеры и весь нѣмецкій синклитъ. У него-то,—у короля,—пошумитъ малость

[1]) Имѣніе отца въ Тамбовской губерніи.

въ головѣ, онъ побурлитъ немножко съ Раудевицемъ, помашетъ нѣмецкимъ флажкомъ, да и выспится у себя во дворцѣ.—А народъ-отъ нѣмецкій не то: какъ расходится, такъ и не уймешь. Пьянъ-то онъ не пьянъ, а въ головѣ шумитъ, и главное руками машетъ. Домашется пожалуй до того, что станутъ палить изъ пушекъ и прочихъ инструментовъ. Тогда и выйдетъ суспиція: какъ и куда ѣхать? Такъ вотъ оно дѣло какое: нельзя настоящаго маршрута написать.

Да и кромѣ маршрута хлопотъ, на охотника, несть числа: слѣдуетъ заграничный пашпортъ выправлять, дорожный мѣшокъ шить, деньги мѣнять, да и много кой-чего наберется. Займусь, думаю себѣ, сначала, главнымъ,—пашпортомъ. Вотъ я и обратился къ людямъ столичнымъ; пишу Митѣ[1]) такъ и такъ молъ: по слабости своего здоровья и тому подобное, какъ молъ, по Вашему мнѣнію, слѣдуетъ приступить къ дѣлу нашему брату, степняку. А, говоритъ, какъ? извѣстно, говоритъ, какъ: надо, говоритъ, подать прошеніе, выходитъ свидѣтельство; а какое, говоритъ, это прошеніе и какое свидѣтельство, Богъ его знаетъ. Ваша сторона малоизвѣстная. Отъ васъ нетокма что заграницу, да и никуда съ заграничными пашпортами не ѣзжали. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ я рѣшился отправиться къ самому источнику всякой проявляющейся въ нашей губерніи власти.

Надо вамъ сказать, что 4 ноября ждали въ Тамбовъ Наслѣдника, а проводивъ его, губернаторъ самъ собирался въ Питеръ. Думаю себѣ, дамъ я имъ встрѣтить и проводить Наслѣдника; а то вѣдь за хлопотами ничего отъ нихъ не добьешься. Между тѣмъ на свободѣ, съ хромымъ майоромъ [2]) сообща, описали мы мои болѣзненные припадки (замѣтьте—истинные, ничуть не вымышленные) и назвали ихъ, какъ слѣдуетъ, по-латынѣ. Съ этимъ грустнымъ листомъ въ карманѣ отправился я 5-го числа послѣ обѣда въ Тамбовъ.

На половинѣ дороги узналъ я, что Наслѣдникъ еще не бывалъ, что его ждутъ съ часу на часъ и что изъ уваженія къ колесному его экипажу по предлежащему ему пути уничтожаютъ санную дорогу: снѣгъ засыпаютъ пескомъ и слѣдъ засыпавшихъ заметаютъ. Дѣлать нечего,—выѣхалъ, такъ не ворочаться опять; ѣду далѣе. Въѣзжаю въ Тамбовъ,—торжество такое, что и опи-

---

[1]) Князь Дмитрій Александровичъ Оболенскій, занимавшій въ то время должность товарища предсѣдателя департамента палаты гражданскаго суда.

[2]) Майоръ Петръ Яковлевичъ. Докторъ, проведшій, въ качествѣ домашняго врача, почти всю жизнь въ имѣніи отца.

сать неможно: по обѣимъ сторонамъ улицы тротуары застроены чрезвычайно прочными подмостями для иллюминаціи. Во всемъ городѣ, кромѣ моихъ, только двое усовъ осталось, да и тѣ что за усы! Сами посудите: одни у N...го предводителя подстриженые и держутся, можно сказать, на ниточкѣ; едва получится свѣдѣніе, что виденъ экипажъ Наслѣдника,—прощай усы! А у другого предводителя усы и того хуже!

Между тѣмъ въ день моего пріѣзда вечеромъ благодѣтельное Тамбовское начальство получило офиціальное свѣдѣніе, что Наслѣдникъ не заѣдетъ въ Тамбовъ. На слѣдующее утро вѣсть эта сдѣлалась извѣстна всему городу, и Тамбовское благородное дворянство, движимое чувствомъ вѣрноподданической преданности, желая ознаменовать столь пріятное для него событіе, положило собрать извѣстный капиталъ, процентами съ котораго содержать одного пансіонера въ Тамбовскомъ корпусѣ, одного въ благородномъ пансіонѣ при Гимназіи и одну пансіонерку въ Институтѣ, именуя ихъ пансіонерами: 1-го—Наслѣдника, 2-го—Его сына, и 3-ю—Наслѣдницы. Все это прекрасно; но что прикажете дѣлать съ отличнымъ 8-пудовымъ тельцомъ, живыми стерледями и осетромъ, приготовленными дворянствомъ, въ особенности купечествомъ, для его Высочества? Дѣло простое—съѣсть. Вотъ состоялся огромный обѣдъ у губернатора, куда и я грѣшный попалъ. Тутъ-то начались тѣ спичи, которые впослѣдствіи преслѣдовали меня. Не знаю каковы прочіе, а наши Тамбовскіе спичи тѣмъ хороши, что ежели мѣстные ораторы много думаютъ при мысленномъ составленіи ихъ, за то не говорятъ, что думаютъ. Такъ и губернаторъ, вставъ съ бокаломъ въ рукѣ, преисполненный чувства, умолчалъ о тельцѣ, осетрѣ и стерледяхъ, но увѣрилъ почтеннѣйшую публику, что, питая къ ней глубокое уваженіе и признательность, пригласилъ за тѣмъ, чтобы проститься съ нею передъ отъѣздомъ своимъ въ Петербургъ, гдѣ, замѣчу, климатъ весьма вреденъ для породы губернаторовъ. Впрочемъ онъ объ этомъ свойствѣ столичнаго климата, какъ и о тельцѣ съ компаніею, умолчалъ.

Въ чаду торжества я едва могъ добиться, чтобы губернаторъ назначилъ мнѣ время, когда я могу переговорить съ нимъ о дѣлѣ... Переговоры были недолги: онъ уже сдалъ управленіе вице-губернатору, сказалъ, чтобы я уже прямо къ нему обратился съ просьбою о выдачѣ паспорта, а самъ обѣщалъ хлопотать въ Петербургѣ лично о скорѣйшемъ разрѣшеніи, и за это обѣщаніе я принужденъ былъ присутствовать на прощальномъ обѣдѣ, который давали предводители губернатору. Тутъ народу было гораздо меньше, нежели на тельцѣ, за то торжества и спичей въ десятеро болѣе.

Вернулся я въ Кулеватово и засталъ тамъ милое семейство Сабуровыхъ, прибывшее праздновать съ нами 11-е ноября.

Вскорѣ съ тою же цѣлью подъѣхалъ извѣстный вамъ Аполлонъ Кругликовъ съ женою. Добрые пріятели наши пріѣхали на саняхъ по прекрасной зимней дорогѣ, отъ которой 12-го числа не осталось и признаку: дождь все согналъ. Поневолѣ они остались въ Кулеватовѣ дожидаться возвращенія зимы и прождали недѣль около трехъ. Славно провели мы это время, при чемъ Федя испытывалъ способности свои въ преданности къ нѣжному полу. Между тѣмъ подошло и 24-е число съ двумя имянинницами. Оно сопровождаемо было сюрпризами, шарадами, куплетами, чувствомъ и прочимъ. Не обошлось и безъ спича съ моей стороны, извлекшаго сладостныя, но обильныя, слезы у обѣихъ добрыхъ старушекъ (Соня и Сабурова); нѣжнымъ объятіямъ счету не было. 26-го числа все было совершенно высохло, но 27-го опять всѣ отсырѣли по случаю разставанья.

Проводивъ дорогихъ гостей, я расположился вновь яростно заняться окончаніемъ подробнаго маршрута, какъ вдругъ, уже въ декабрѣ, получаю изъ Тамбова свѣдѣніе, что дѣло о разрѣшеніи мнѣ выѣзда за границу въ теченіи почти мѣсяца не только не подвинулось впередъ, но напротивъ, немного попятилось и что по этому случаю присутствіе мое въ Тамбовѣ необходимо. Въ сани и въ губернію! Застаю всю нашу власть въ полномъ недоумѣніи: не знаютъ, что со мной и дѣлать; въ законѣ, на мою бѣду, очень ясно и подробно изложено, какъ и что дѣлать при представленіи въ Министерство объ исходатайствованіи заграничнаго паспорта. Всѣ дѣльцы стали въ тупикъ: что-нибудь, говорятъ, не такъ, вѣроятно что-нибудь еще подразумѣвается. А тутъ еще въ прошломъ году получено губернаторомъ секретное предписаніе Министра по этому предмету. Вице-губернаторъ нашъ сталъ на дыбы. Призвалъ врачебную управу: ты,—говоритъ,—не такъ выдала свидѣтельство о болѣзни Давыдову; его, говоритъ, надо освидѣтельствовать въ присутствіи полиціи, губернатора и губернскаго предводителя.—Да помилуйте, говорить, ваше превосходительство, вотъ законъ, въ немъ ничего подобнаго не сказано, и я,—говоритъ,—выдала Давыдову свидѣтельство именно такъ, какъ въ законѣ положено.—Я, говоритъ, и знать вашего закона не хочу; у меня, говоритъ, есть секретное Министерское предписаніе; ты, говоритъ, должна дѣйствовать на основаніи этого предписанія. Покажите мнѣ его, ваше превосходительство.—Вотъ еще что выдумала:—да какъ же я могу показывать секретное предписаніе? На то оно и секретное, чтобы о немъ никто не зналъ. Въ такомъ случаѣ какъ же я его исполню?—А мнѣ какое дѣло—

исполняй!—Съ величайшимъ трудомъ комиссіонеръ мой удостоился прочтенія этого предписанія и увы! не нашелъ въ немъ ни одной изъ тѣхъ страстей, о которыхъ проповѣдывалъ вице-губернаторъ; ларчикъ открывался необыкновенно просто; отъ того то онъ и не понялъ ничего. Присутствіе мое и личные переговоры съ властями и крупными, и мелкими, сгладили, наконецъ, всѣ препятствія, и 8-го декабря пошло въ Питеръ представленіе о разрѣшеніи мнѣ выѣзда за границу. Тамъ еще пройдетъ это представленіе черезъ многія мытарства; и признаюсь вамъ, дорогой другъ, я не очень покоенъ на его счетъ. Я столько разъ собирался неуспѣшно за границу, что я уже потерялъ вѣру въ возможность осуществить эту мою давнишнюю мечту. Пишу Митѣ и прошу его содѣйствія».

Паспортъ по изложенному въ приведенномъ письмѣ ходатайству отецъ получилъ въ январѣ 1851 года. Это—документъ, напечатанный на твердой бумагѣ большого размѣра на двухъ языкахъ; въ заголовкѣ его значится: «По указу Его Императорскаго Величества»..., а подписанъ документъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Перовскимъ, при обозначеніи чина, всѣхъ его почетныхъ должностей и полученныхъ знаковъ отличія.

Но ещё раньше этой неудавшейся, несмотря на полученный паспортъ, заграничной поѣздки, а именно: лѣтомъ 1846 г., отцу удалось совершить, съ семействомъ, крупное путешествіе по Россіи,—въ Одессу и Крымъ. Путешественниковъ было, кромѣ трехъ слугъ и горничной,—5 взрослыхъ и трое дѣтей (отъ 10—14 лѣтняго возраста), а именно: Василій Васильевичъ и Софья Андреевна Давыдовы, гувернеръ Е. Я. Щибальскій, князь Николай Андреевичъ (братъ моей матери) и княжна Аграфена Александровна Оболенскіе. Давыдовымъ пришлось сперва перевезти остальныхъ дѣтей изъ Тамбовской губерніи къ старикамъ Оболенскимъ въ ихъ подмосковное (въ предѣлахъ Подольскаго уѣзда) имѣніе «Троицкое». Переѣздъ этотъ обошелся родителямъ не легко; вотъ какъ отецъ описываетъ его: «Вообще я не суевѣренъ, но на пути нашемъ въ Троицкое напало на меня раздумье. Неблагополучнѣе этого переѣзда и вообразить ничего нельзя: препятствія и остановки на каждомъ шагу. Мы употребляли по 8 часовъ на переѣздъ станціи въ 24 версты, карета постоянно завязала [1]) и была выручаема съ величайшимъ затрудненіемъ. Наконецъ однажды къ ночи и карета и коляска сѣли. Несмотря на толпу сопровождавшихъ насъ, нанятыхъ мною, крестьянъ выручку экипажей должны были отложить до слѣдующаго утра; мы про-

[1]) Дѣло было въ маѣ мѣсяцѣ.

вели ночь въ болотѣ: едва шагъ изъ экипажа—и по колѣна въ трясину. Да мало ли чего съ нами не приключилось дорогой! Въ Каширѣ нѣкій господинъ Нарышкинъ не хотѣлъ меня выпускать не только изъ города, но и съ постоялаго двора, потому что каширскіе ямщики, предварительно нанятые для него, разочли, что меня везти выгоднѣе и заложили приготовленныхъ для Нарышкина лошадей въ мои экипажи. Нарышкинъ во всѣхъ регаліяхъ (Станиславъ на шеѣ) отправился къ городничему просить о задержаніи меня, а между тѣмъ къ воротамъ занятаго нами постоялаго дома приставилъ почетный караулъ изъ двухъ будочниковъ. Все дѣло кончилось тѣмъ, что буфеля при выѣздѣ моемъ посторонились и почтительно сняли шапки, а собравшаяся около нихъ толпа со смѣхомъ замѣчала, что жаль мало Нарышкинъ солдатъ поставилъ».

Несмотря на дурныя предчувствія, путешествіе въ Крымъ прошло благополучно; во время переѣзда и въ Одессѣ отецъ велъ аккуратно безъ пропусковъ дневникъ, изъ котораго я и приведу выдержки, характеризующія старинный способъ дорожнаго передвиженія и тогдашнюю курортную жизнь, мѣстами же передамъ лишь содержаніе дневника.

Путешественники съ самаго начала въ восторгѣ отъ того, что ѣдутъ по шоссе и безъ задержекъ, хотя Оку около Серпухова пришлось переѣзжать на паромѣ, что длилось болѣе часа. Довольны они также нѣкіимъ Студзинскимъ—содержателемъ вольнаго почтоваго тракта и станцій. Черезъ Тулу проѣхали рано утромъ безъ длительной остановки. «Города за неимѣніемъ времени не осматривали, а на рысяхъ замѣтили, что острогъ хорошъ и не похожъ на прочіе остроги, а у заставы орлы стоятъ на такихъ великолѣпныхъ орнаментахъ, что имъ даже немножко совѣстно передъ проѣзжающими. Вывѣски: 1) Тульскій мастеръ своего издѣлія (прошу замѣтить башмачникъ). 2) Pariker Esipow. 3) Magasin desuinetranger». Со станціи Лапотково шоссейное благополучіе путниковъ кончилось, пришлось съѣхать на простую большую дорогу.

Въ селѣ Сергіевскомъ записано... «Сергіевское, князя Сергѣя Сергѣевича Гагарина, прекрасное, богатое селеніе на берегу Плавы, съ виднымъ господскимъ домомъ, садомъ и церковью. Крестьянскаго строенія, подобнаго здѣшнему, я не видалъ: большинство домовъ красивы и щеголеваты. Гостинница съ вывѣскою: Почтовая станція и вновь открытое заведеніе для господъ проѣзжающихъ подъ названіемъ гостиница Новогеоргіевская. А людямъ поѣсть нечего, т.-е. готоваго. Служитель гостиницы, со свойственною русскому человѣку любознательностью, не умѣлъ

назвать рѣки, протекающей въ селеніи. Въ гостиницѣ неизбѣжный уголокъ съ претензіями на магазинъ тульскихъ вещей. Народъ съ прошедшей станціи замѣчательно красивъ». Въ Скуратовѣ экипажъ два раза завязалъ, и его вытаскивали мѣстные крестьяне за «приличное вознагражденіе». Въ Мценскѣ записано: «Начали попадаться бѣлыя валяныя шапки на мужикахъ вродѣ тѣхъ, какія на московской сценѣ въ Аскольдовой могилѣ»... «Мценскъ принадлежитъ къ числу любопытныхъ городовъ; у заставы спросили, кто проѣзжаетъ, на что было отвѣчено: Авдулины. Остановились мы въ гостиницѣ «для проѣзжающихъ благородныхъ особъ»; въ ней много назидательныхъ картинъ; въ особенности хорошо горитъ Варшава, и еще лучше Россъ шагаетъ черезъ Балканы». Изъ дневника между прочимъ видно, что въ карету путешественниковъ запрягаютъ 9 лошадей, хотя по положенію слѣдовало бы закладывать 10.

Курскія впечатлѣнія: «Боже мой! Что это такое! Дождь не умолкаетъ ни на минуту. «Бугомолки» непрерывной вереницей тянутся «у Курскъ», въ который наконецъ и мы въѣхали воротами, сооруженными иждивеніемъ курскаго дворянства въ 1823 г. неизвѣстно для чего. Улица, идущая отъ заставы къ монастырю, хороша: начинается она подобіемъ старой Конюшенной и оканчивается сплошными каменными домами, изъ коихъ одинъ даже въ четыре этажа. Наконецъ на углу этой улицы Полторацкая гостиница,—такая скверность, какой и вообразить не можно, даже принимая въ разсчетъ и то, что ее содержитъ русскій. Говорятъ, что лучшей нѣтъ во всемъ городѣ. Что-то не вѣрится. Извозчикъ, извозчикъ! На этотъ зовъ подъѣзжаетъ ко мнѣ милостивый государь съ усами и бритою бородой въ нѣмецкомъ платьѣ, на парѣ лошадей, запряженныхъ въ дрожки, весьма подвижные: станешь на одну подножку,—она изъ учтивости опускается до земли; зато другая стремится къ небесамъ. Поѣхалъ. Почтовая гостиница гдѣ то въ закоулкѣ, довольно чиста, но свободенъ только одинъ маленькій номеръ. Въ другую: скверно; въ третью—еще хуже. Что будешь дѣлать! Вернулся и расположилась честная компанія въ грязной Полторацкой гостиницѣ, откуда по крайней мѣрѣ видъ хорошъ. Извозчикъ, проѣздивъ со мною 20 минутъ, содралъ съ меня цѣлковый, говоря, что нельзя менѣе: время,—молъ, ярмарочное, всѣ извозчики въ «коренной». Что такое обѣдъ въ Полторацкой гостиницѣ! Зеленые щи еще съѣдобны, но, начиная съ пирожковъ, въ которые вмѣсто пикана положена была лежалая говядина, и до конца все отвратительно. Трактирный служитель въ оправданіе представляетъ два обстоятельства: 1) что все заведеніе въ «коренной», 2) что обѣдъ дѣланъ не для

насъ, а вообще. Многіе ли, говоритъ, смыслятъ въ ѣдѣ? Лишь бы побольше порціи, а то ѣдятъ все. Дождь не перестаетъ, а въ гостиницѣ отвратительно. Потребовали мой паспортъ. Ну что жъ, далъ!»

На слѣдующій день: «Дождь идетъ, идетъ и идетъ. «Бугомолки» не теряютъ присутствія духа и также идутъ, идутъ и идутъ. Образъ Знаменія Богородицы столько же привлекаетъ ихъ, какъ и маленькая ярмарка съ продажею кушаковъ, тесьмы, крестовъ и т. п. крестьянской мелочи. С. А. купила тоже четыре пунцовые кушака съ желтыми полосами за два двугривенныхъ... На площади ближе къ монастырю выставлено нѣсколько образовъ съ кружками для сбора подаянія; завтра они пойдутъ въ «коренную». Вчера они также были выставлены, а на ночь ихъ уносятъ... Дворъ гостиницы мощеный, но чистъ быть не можетъ, потому, между прочимъ, что съ верхней галлереи въ краткое время моего наблюденія вылито было на дворъ два полные таза разныхъ нехорошихъ вещей... Толпа на площади чрезвычайно густа. Не довольствуясь сборомъ въ кружки, поставленныя у образовъ, монахи безпрерывно и скорымъ шагомъ снуютъ по улицамъ съ звенящими кошельками... При входѣ въ соборъ я былъ непріятно пораженъ запахомъ, нисколько не похожимъ на ладанъ; густая, страшная толпа народу въ загонѣ, отгороженномъ временно поставленною деревянною, некрашенною и грязною рѣшеткою съ небольшимъ отверстіемъ, сквозь которое пропускаютъ отъ времени до времени по нѣскольку человѣкъ приложиться къ чудотворной иконѣ, осыпанной жемчугами и драгоцѣнными каменьями и стоящей около клироса праваго придѣла. Надъ самымъ отверстіемъ сидитъ на верхнемъ брусѣ рѣшетки гарнизонный солдатъ съ палкою въ рукахъ и не допускаетъ народъ тѣсниться около прохода, при чемъ кричитъ во все хайло и грозится палкой. У чудотворной иконы стоитъ монахъ, а подлѣ почти лежитъ, прислонясь къ колоннѣ иконостаса, другой монахъ съ крестомъ въ рукахъ. На противоположной сторонѣ, подлѣ самой иконы, стоитъ какой то молодецъ въ нанковомъ полосатомъ халатѣ съ огромнымъ металлическимъ блюдомъ, полнымъ приношеній, и постоянно кричитъ: Божіей Матери давайте! Давайте Божіей Матери!... По возвращеніи домой я увидалъ съ балкона необыкновенное движеніе въ толпѣ на площади. Отъ монастыря въ направленіи къ намъ двигается медленно телѣга; на облучкѣ сидитъ нѣчто въ родѣ солдата, народъ толпами подбѣгаетъ къ телѣгѣ и скоро возвращается; нѣкоторые, казалось, что-то клали въ телѣгу. Оказывается, что буфель везетъ мертвую женщину, которую, говорятъ, раздавили въ соборѣ, а народъ бѣжалъ глядѣть на мертвую

и класть деньги и свѣчи на погребеніе»... На слѣдующій день: «Дождь и дождь всю ночь. Несмотря на это площадь покрыта народомъ, и это съ 5 часовъ утра... Безъ 10 минутъ въ десять часовъ двинулась процессія при повсемѣстномъ перезвонѣ. Народу столько, и онъ до того промокъ, что на балконѣ, съ котораго мы смотрѣли, непріятно было стоять отъ издаваемаго имъ тяжелаго запаху. Впереди процессіи шла шеренга драгунъ, потомъ образъ, за нимъ восемь огромныхъ фонарей, украшенныхъ цвѣтами, съ зажженными мѣстными свѣчами и несомыхъ каждый нѣсколькими десятками человѣкъ, потомъ цехи со своими значками, красивѣйшими московскихъ, затѣмъ образъ Божіей Матери въ большомъ и богатомъ кіотѣ, украшенный цвѣтами (я думаю, что до сотни человѣкъ несло его на плечахъ); далѣе крестъ, духовенство и, наконецъ, чудотворная икона, несомая губернскимъ предводителемъ Сонцевымъ и, кажется, вице-губернаторомъ. Квартусъ великолѣпно держалъ надъ нимъ зонтикъ. Нѣсколько десятковъ тысячъ богомольцевъ густою сплошною толпою, какъ лава, текли вплоть за процессіею и, ежели бы не дѣятельное распоряженіе жандармовъ, то не обошлось бы безъ несчастій при втокѣ этой массы съ широкой площади въ улицу. Видъ этой толпы очень торжественъ и какъ будто немного страшенъ. Мы видѣли и слышали трехъ кликушъ, изъ которыхъ одна очень искусна; жаль только, что во время припадка, несмотря на то, что ихъ ведутъ подъ руки, онѣ имѣютъ неосторожность выбирать, гдѣ бы ступить посуше...

Харьковъ. Подъ городомъ зданіе больницы, красивое, съ тополями и подлѣ дачка съ густымъ садомъ; еще ближе загородный домъ Кузина, знаменитаго откупщика,—недуренъ, но глупъ, потому что около него ни прута... Харьковъ рѣшительно не похожъ ни на одинъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ; красивъ, славно обстроенъ, съ большимъ числомъ каменныхъ, часто сплошныхъ домовъ, испещренныхъ вывѣсками; между прочимъ направо Остапенко, черезъ нѣсколько шаговъ Тупенко и много другихъ «енковъ». Почему это ямщики обыкновенно рекомендуютъ гостиницы, что похуже? Такъ и нынѣшній ямщикъ увѣрилъ, что нѣтъ лучше гостиницы какъ у Савелихи, посмотрѣлъ — дрянь; къ счастью одинъ только номеръ былъ свободенъ. Поѣхали далѣе; гостиница бывшая Матузка, а теперь Сопки, весьма и весьма порядочна. Въ одной гостиницѣ съ нами стоятъ Щепкинъ и Живокини; видѣлъ обоихъ, оба играютъ здѣсь и на будущей недѣлѣ ѣдутъ въ Одессу...

... Были въ нѣсколькихъ магазинахъ, и должно сказать правду, что они не уступаютъ московскимъ... Около часа ходили къ ре-

сторану Крейтлера насчетъ котлетъ, предварительно заказанныхъ. Котлеты мелкія, обыкновенныя съ отрицательными достоинствами. Наружность комнатъ не блистательная, только въ ожиданіи насъ сильно накурено было ванильными свѣчками. Ввечеру бенефисъ Млотковской, и мы въ бельэтажѣ № 1. Театръ весьма милъ и довольно полонъ, кромѣ бельэтажа, однимъ словомъ какъ слѣдуетъ быть въ заправскомъ театрѣ, не исключая и обстановки пьесъ. Къ стыду московской сцены должно сознаться, что здѣсь несравненно лучше московскихъ. Бенефиціантка, женщина гораздо за сорокъ, отличная актриса и въ роляхъ молодыхъ дѣвушекъ даже очень мила. Толченовъ весьма недуренъ, жена его сносна, также недурны Бобровъ и въ особенности Домбровскій; Ладина—хороша. Я остался очень доволенъ петербургскимъ Григорьевымъ 1-мъ... Щепкинъ былъ нехорошъ въ матросѣ: какъ сначала заплакалъ, такъ и ревѣлъ до самаго конца,—нѣтъ, не хорошо! зато въ «Тяжбѣ» хорошъ, только что горячки было перепущено рубля на два. «Русскіе въ Баденѣ» сошли очень хорошо, а «Дочь русскаго актера» еще лучше. Одно нехорошо: спектакль кончился въ часъ пополуночи; да и новая гусарская форма больно нехороша. Забылъ сообщить еще одну театральную особенность: въ одномъ изъ антрактовъ Домбровскій вышелъ объявлять о завтрашнемъ спектаклѣ, а по уходѣ его весьма много голосовъ и довольно долго съ хлопаньемъ кричали: Домбровскаго!.. Сегодня ѣдемъ, а между тѣмъ начинаетъ дождить. Вдругъ барабанъ! Что такое? Барабанщикъ одинъ ходитъ по улицѣ и барабанитъ что есть мочи. Это значитъ, что въ магазинѣ Витковскаго получены вновь различные заграничные товары, о чемъ симъ почтеннѣйшей публикѣ и объявляется».

«*Камина*. Переѣздъ удивительный, съ горы на гору и лѣскомъ: вязы, дубы, ясень, липы, груши, кленъ... прелесть! По рѣдколѣсью пашутъ, окрестность,—точно паркъ. Станція—одинокая хата и подлѣ лѣсокъ съ соловьями. Молодая путешественница такъ восхищена, что дошла до слабости и даже пустилась впередъ пѣшь съ Николаемъ Андреевичемъ... *Валки*. На прошедшей станціи на нѣсколько верстъ идетъ аллея изъ ясеней, между которыми изрѣдка попадаются осины. Когда я въ каретѣ, или вѣрнѣе за каретой[1]), догналъ молодыхъ путешественниковъ, то засталъ ихъ въ совершенномъ разслабленіи отъ чудесной рощи и отъ соловьевъ, которые дѣйствительно отмѣнно хороши, только «старичка» не дѣлаютъ. Хороша здѣшняя сторона, очень хороша!

[1]) Отецъ съ Н. А. Оболенскимъ сидѣли въ колясочкѣ, придѣланной къ задку дорожной кареты; тогда такія сидѣнья были весьма въ ходу.

А Студзинскаго[1]) вспомнишь и вспомнишь не разъ! Съ первой же станціи за Харьковомъ начались непріятные переговоры и нельзя не прибѣгнуть къ угрозамъ. Станціонный смотритель сначала дѣйствовалъ гордо, а потомъ пошелъ на уклончивость и величалъ меня полковникомъ... Городъ Валки не сердитъ; онъ, какъ кажется, живетъ на дачѣ; сверхъ того не устанешь, ходя по лѣстницамъ: двухъ-этажныхъ домовъ я не видалъ... Курьезно, на городъ не похоже, а мило. Вездѣ вмѣсто досчатыхъ заборовъ частоколъ, выкрашенный охрою, и столбики мѣломъ. Лучшее зданіе въ городѣ уѣздное училище, да и то въ одинъ этажъ. Посреди улицы высокій шестъ; на двухъ третяхъ его высоты маленькая черная дощечка съ бѣлой надписью: «шоссе», котораго здѣсь и не бывало.

Полтава. Выѣзжаемъ со станціи подъ лучами палящаго солнца; на западѣ черная туча, и на ней какъ-то грозно отдѣлялись бѣлыя зданія Полтавы. Туча близится и разражается грозою надъ знаменитымъ городомъ. Предстояли пески, поэтому въ карету заложили 9, а въ тарантасъ 5 лошадей... Наконецъ дождь совершенно прекратился, шлагбаумъ миновавъ, и путники,—въ Полтавѣ, видъ на которую со въѣзда прекрасенъ. Но не радуйтесь за нихъ: имъ предстоитъ взобраться на высокую, очень высокую гору по скользкой глинѣ. Ежели вы не имѣете понятія о Полтавской грязи, то вы очень счастливы; это, какъ говорила харьковская хохлушка, съ которой мы сидѣли рядомъ въ театрѣ, «чонтъ што» (понимай: чортъ знаетъ что). Двинулись и не поднялись и четверти горы, какъ лошади стали; ноги ихъ скользятъ, а карета ни съ мѣста, хоть что хочешь. Сначала мы съ Н. А. облегчили задъ кареты и заскользили по скату горы, потомъ,—что будешь дѣлать,—мы, дѣлать нечего, высадили и барынь съ дѣтьми. Вся эта компанія съ величайшимъ трудомъ и съ огромнымъ количествомъ грязи на обуви доплелась кое-какъ до половины горы и остановилась на какомъ-то подобіи лужайки; а лошади все-таки ни на шагъ впередъ. Приложили еще двухъ лошадей изъ тарантаса,—ничего! Переложили другихъ лошадей къ дышлу,—опять ничего! Я рѣшительно потерялъ надежду видѣть когда-либо карету свою на вершинѣ Полтавской горы. Наконецъ ямщикъ слѣзъ съ козелъ, взялъ самую норовистую лошадь подъ уздцы и... о во сторгъ! карета двинулась. Медленно дотащилась она до привала женъ и дѣтей и приняла ихъ въ свои обширныя объятія. Я, несмотря на то, что былъ въ резиновыхъ калошахъ, рѣшился подняться на гору пѣшкомъ, опасаясь напрасно обременять

[1]) Студзинскій—содержатель вольной почты отъ Москвы до Харькова.

экипажъ. Но, Боже мой, что это былъ за всходъ! Сверху солнце такъ и жаритъ, липкая грязь пристаетъ къ ногамъ, калоши скользятъ такъ, что упаси Творецъ, а ты лѣзь въ крутую гору, да еще безъ палки. Какая-то прачка съ толстыми икрами, пожалѣвъ меня, сказала, что за два часа это мѣсто было сухо... Гостиница много лучше курской. Послѣ многихъ освѣжительныхъ омовеній и нѣсколькихъ стакановъ чаю, компанія собралась, несмотря на грязь, эксплуатировать городъ... Путешественники, подстрекнутые разсказомъ Жданова[1]), непремѣнно пожелали видѣть Институтскій садъ... Подъѣхавъ къ зданію Института, добираемся до швейцара шагомъ по круглому двору. Кое-какія головки выглядываютъ изъ оконъ. Выходитъ швейцаръ и, разумѣется: что Вамъ угодно? А вотъ, мой милый, я пріѣзжій (другими словами путешественникъ), ѣду въ Одессу и желаю видѣть Институтскій садъ. Да какъ же это? Этого не можно, надо доложить начальницѣ. Сдѣлай милость. А какъ прикажите доложить? Надворный Совѣтникъ Давыдовъ съ женой. А эти (указывая на молодыхъ путешественниковъ) также съ Вами? Да, это родственники наши князь и княжна Оболенскіе. Швейцаръ воротился очень скоро, сказавъ: приказали просить. Я оставилъ загрязненную свою шинель на дрожкахъ, снялъ калоши, прибодрился и въ ходъ. Подходимъ къ стекляннымъ дверямъ, ведущимъ въ садъ, и... о конфузъ, весь институтъ въ лицахъ передъ глазами! Старшій путешественникъ, смекнувъ, что и начальница тутъ же, говоритъ С. А.: «il faudra faire des phrases». Въ это время дверь отворяется, и начальница самолично передъ путниками. Тутъ была минута не совсѣмъ хорошая; она, хоть и очень коротка была, да неловко. Однако молодцы скоро справились. С. А. начала: молъ, Madame, извините, такъ и такъ, по своему нездоровью, насчетъ морскихъ ваннъ, а это вотъ мужъ, любитъ путешествовать, много наслышанъ о Вашемъ садѣ, даже, молъ, Ждановъ на этотъ счетъ книжку написалъ, такъ въ нѣкоторомъ родѣ хотѣлъ самолично... А тутъ ужъ и самъ старшій путешественникъ вмѣшался и пошелъ съ комплиментами, да все это деликатнѣйшимъ манеромъ, съ тонкостями и на французскомъ діалектѣ—такъ и разсыпается, словно ему кто подсказываетъ. На что свои,—и тѣ подивились, а начальница видитъ, что тутъ словами не возьмешь, говоритъ:я за удовольствіе себѣ поставлю, сдѣлайте одолженіе! Моргнула какой-то институткѣ—молъ—зонтикъ; та ей сейчасъ зонтикъ, и пошли, а за нами три дѣвицы. Дорогой наши не ударили лицомъ въ грязь, до всѣхъ самыхъ тончайшихъ предметовъ коснулись, несмотря на то, что у

[1]) Путеводитель по Россіи.

молодого путешественника всѣ брюки въ грязи. Повела начальница нашихъ молодцовъ показывать виды.Всѣ хороши, а одинъ отличный: видна часть города, монастырь, Ворскла и даль... чудесно! Тутъ попросила она ихъ присѣсть. Плохо пришлось Н. А.— наровитъ прикрыть штаны фуражкой, да и фуражка то не тово— бросковое дѣло! Однако сошло хорошо. Видѣли и грецкія орѣшины съ плодами, и какъ вишни спѣютъ, и тому подобную огородину, какъ-то виноградъ и проч. Наконецъ подходимъ опять къ дому, а институтки такъ и гуляютъ; чуть на которую посмотришь, а она сейчасъ книксенъ. Хороши цвѣты — шиповникъ пунцовый. Mesdemoiselles, faites un bouquet! Это вотъ сейчасъ и букетъ готовъ и поднесенъ А. А. (молодой путешественницѣ)... Ну тутъ ужъ и пошло!... Много было наговорено подобнаго, а на прощаніи и еще пуще...

Проѣхали Александровскую улицу, въ концѣ которой виднѣется Полтавскій памятникъ. Ежели бы эта улица была мощена, т.-е. хорошо мощена, такъ было бы очаровательно: по обѣимъ сторонамъ итальянскіе тополи, реверберы на веревкахъ по серединѣ улицы... Соборъ хорошъ; два мѣстные образа; подъ ними гербы князя Долгорукова-Крымскаго съ рѣзными украшеніями и съ слѣдующими надписями:

Подъ образомъ Божіей Матери:

Преславный гербъ лаврами вѣнчанна
Князь Долгорукаго въ войнѣ и мирѣ славна
Кой скипетру Россійскому Кримъ покорилъ
И Россамъ путь на Черномъ морѣ тѣмъ открылъ.

Подъ образомъ Спасителя:

Гербъ сей предводителя славный войскъ россійскихъ
Князя Долгорукаго въ областяхъ Кримскихъ
Воздвигшаго для Россіи славны
Кой именемъ Василій Михайловичъ званый.

... Ѣдутъ путники покупать вино и конфеты на дорогу. Есть у васъ кондитеръ? Есть. Вези! Привезъ; домишка гнусной наружности, безъ кондитерской вывѣски; есть, правда, вывѣска надъ дверями, но та гласитъ—казенный питейный домъ. Входятъ; отчаянная рожа встрѣчаетъ ихъ въ грязной комнаткѣ съ кроватью и какимъ-то мудренымъ угольникомъ. Конфетъ нѣтъ,а пирожное есть. Ѣдутъ дальше. «Вновь прибывшій мужской портной партикулярныхъ дѣлъ мастеръ». Ѣдутъ далѣе: «Погребъ купчихи Волохиловой съ разными французскими и бѣломорскими винами». На

зло вывѣскѣ взято вино черноморское. Ни конфетъ, ни даже порядочныхъ финиковъ и ни одного лимона въ городѣ нѣтъ...

Павлышъ. При выѣздѣ изъ Кременчуга мостъ черезъ Днѣпръ длиннѣе версты. Днѣпръ хорошъ массою воды. Мы уже въ поселеніи[1]). Однообразно до утомленія; по дорогѣ на каждыхъ 50 саженяхъ каменные столбы; чистыя мазанки, крытыя черепицей; зеленая поливная черепица очень хороша. Солдатъ о чемъ-то бьетъ въ барабанъ... *Елизаветградъ*. Городокъ порядочный: есть бульваръ тополевый, и острогъ, и мостъ, и прочія удовольствія... Лошади скверныя, несъѣзженныя, содержатели мошенники закладываютъ съ плутовствомъ, стараются заложить въ большой экипажъ лошадей поплоше, отъ того чуть горка, путешественники стоятъ и начинается перекладка, продолжающаяся иногда болѣе получаса... *Николаевъ*. Ѣхали путешественники путемъ-дорогою, по заведенному уже порядку, т.-е. быстро по гладкой степи, уставленной копнами и стогами сѣна; видѣли станъ косцовъ съ довольно большою палаткою.Рожь сильно зрѣетъ, солнце сильно печетъ; все это хорошо, только начали они подниматься на гору и поднялись. Тогда мгновенно представился передъ ними широко и живописно раскинувшійся Николаевъ и красивый величественный лиманъ съ транспортными судами и пароходами; кос-гдѣ мелькали челночки, казавшіеся какими то поплавками. Что сталось съ старшимъ путешественникомъ при видѣ широкаго воднаго раздолья—описать невозможно, да и не нужно. Переѣхали мы Ингулъ по плашкоутному мосту, по обѣимъ сторонамъ котораго разбросаны небольшія морскія суда. Влѣво верфь, вправо какое то большое зданіе, а по ту сторону лимана станція. С. п.[2]) все еще въ восторгѣ. У заставы потребовали подорожную,—нужды нѣтъ,—восторгъ продолжается. Вотъ и городъ и морской офицеръ, объявившій, что князь Андрей Сергѣевичъ[3]) третьяго дня «ушелъ»... Налюбовавшись вдоволь лиманомъ и движеніемъ судовъ, путники двинулись въ Спасскій садъ. На бывшей верфи Перовскаго снастится большой 80-ти пушечный корабль. Бывшій Потемкинскій дворецъ, а теперь вокзалъ въ Спасскомъ саду, очень милъ: зала прекрасная, кругомъ зданія крытая галерея, а потомъ тополи и гущина, и птица-соловей поетъ. Оттуда двинулись на обсерваторію, но осматривать ее не могли, потому что астрономъ Снорре былъ занятъ съ учениками. Зато ужъ адмиралтейство путешественники знаютъ, какъ свои пять пальцевъ... Потомъ осмотрѣна была верфь. Лѣсъ, изъ котораго строятся ко-

[1]) Военномъ.
[2]) С. п.—старшій путешественникъ.
[3]) Оболенскій, двоюродный братъ матушки, въ то время служившій въ черноморскомъ флотѣ въ чинѣ лейтенанта.

рабли, вымоченъ для прочности предварительно въ известковомъ растворѣ. Линейный корабль строится съ іюня 1842 года. Адмиралтейская пушка прогремѣла полдень...»

Одесса. Съ перваго шагу Одесса не полюбилась путешественникамъ: они въѣзжали при такой пыли, что глаза ѣло, нельзя было ничего разсмотрѣть порядочно; «видно только что городъ неподобный, а больше ничего. Началось пріисканіе помѣщенія. Всѣ путники остались въ экипажахъ. С. п. отправился одинъ. Въ петербургской гостиницѣ заломили по 800 рублей въ мѣсяцъ за 5 комнатъ,—дѣло неподходящее. Факторъ тутъ какъ тутъ, ведетъ въ Лондонъ—тамъ 500 рублей. с. п. даетъ 450 р., не взяли, въ Новороссійской уступаютъ 5 комнатъ за 400 р. Въ Парижѣ и въ Варшавской свободныхъ номеровъ нѣтъ. Въ Ришельевской только одинъ... Послѣ долгой возни, при содѣйствіи фактора Бермана, нанята въ домѣ архитектора Бофора квартира негоціанта Лихтенштейна, переѣхавшаго на лѣто на хуторъ. Въ ней 9 комнатъ и десятая кухня; цѣна невысока—350 рублей въ мѣсяцъ съ хорошею мебелью и полнымъ комплектомъ матрацовъ для всѣхъ... Часовъ около пяти пошли въ «Палерояль» обѣдать къ Карутѣ. Палерояль (официально—театральная площадь) большое зданіе покоемъ, безъ двора; ногами онъ упирается, но не совсѣмъ плотно, въ театръ. Внутри зданія (какъ бы во дворѣ садъ и стѣны его, обращенныя въ этотъ садъ, заняты сплошными, однообразными, очень хорошими магазинами, между которыми два ресторана и два кондитера. Магазины отдѣлены отъ сада широкимъ асфальтовымъ тротуаромъ, который здѣсь не лопается, какъ московскій; а противъ ресторановъ и кондитеровъ, въ саду, большія палатки со столиками и стульями. Вездѣ народъ: читаютъ газеты, ѣдятъ мороженое, пьютъ чай, кофе, курятъ сигары, болтаютъ, а тирольцы откалываютъ свои горловыя штуки, тиролька же нѣтъ, нѣтъ, да и пойдетъ съ блюдечкомъ по гривенники, которымъ однако-жъ небольшой урожай. Путешественники усѣлись за большой столъ и съ наслажденіемъ истребили очень хорошій обѣдъ. Столъ чрезвычайно дешевъ: порція каждаго кушанья стоитъ 15 копѣекъ серебромъ, и порціи такъ велики, что мы, бравши по шести, семеро наѣдались досыта и не доѣдали всего поданнаго. Послѣ обѣда ѣли порядочное мороженое въ палаткѣ и шлялись по магазинамъ. Магазины хороши, но не вдругъ показались дешевыми,—надо торговаться. С. п. отправился въ турецкія бани. Бани эти совершенное наслажденіе. Греки моютъ отмѣнно съ прищелкомъ, баня вся каменная, т.-е. и полъ, и лавки, и стѣны, и сводъ; кейфъ послѣ бани на широкомъ диванѣ, въ двухъ теплыхъ ароматическихъ простыняхъ, чудесный; усталость—какъ съ гуся

вода.... Многое начинаетъ устраваться: воду наняли, дурныя сливки носятъ на домъ, насчетъ обѣда покойны: за сто карбованцевъ въ мѣсяцъ мадамъ Карута угощаетъ насъ отличнымъ обѣдомъ съ прислугою, бѣльемъ, серебромъ и прочими прекрасными вещами, ѣдимъ стерляди, какъ снятки... Всѣ въ восторгѣ отъ Палерояля, въ особенности молодая путешественница; эта жизнь такъ нова для нея, такъ не похожа на нашу обыкновенную московскую жизнь, что дѣйствительно не можетъ не нравиться... Въ 5 часовъ вечера путешественники отправились въ оперу. Къ сожалѣнію дебютъ ихъ былъ не очень благопріятенъ: давали «Лючію», а они слышали и видѣли въ ней Сальви. Театръ довольно хорошъ и оригиналенъ: ложи разгорожены плотными стѣнками, слѣдовательно составляютъ отдѣльныя комнатки, оклеенныя различными бумажками. Здѣсь партеромъ называютъ—и справедливо—большой загонъ за креслами, гдѣ скамеекъ очень мало, а охотники получаютъ свое удовольствіе по большей части стоя. Цѣна кресла въ оперѣ 1 рубль, ложи 7 рублей 14 к. и 5 рублей 71 к., входъ въ партеръ 45 к. Духоты большой нѣтъ, благочинно, несмотря на то, что капельдинеры въ холщевыхъ пальтахъ. Оркестръ небольшой, но прекрасный; въ особенности хороши мѣдные инструменты. Хоры вѣрны, да малы: мужскихъ голосовъ девять, а женскихъ не считалъ, да ихъ почти и не слышно. Декораціи и костюмы не только хористовъ, но и первыхъ лицъ, плохи и обстановка вообще не блистательная... Труппа составлена не изъ отличныхъ, но весьма порядочныхъ пѣвцовъ, зато почти равной силы, одинъ другого не давитъ... Напротивъ въ ложѣ сидѣлъ панъ Галецкій; онъ очень милъ: густая остроконечная борода, круглый полуфрачекъ суроваго цвѣта, отчаянный полосатый шарфъ,—синій съ бѣлымъ, съ огромнымъ бантомъ, концы котораго широко лежатъ на плечахъ, а изъ праваго грудного кармана торчитъ яркій малиновый фуляръ... На Итальянской улицѣ магазиновъ почти нѣтъ, но, какъ и на всѣхъ одесскихъ улицахъ, на каждомъ шагу «Cantina con diversi vini». Красивый двухэтажный домъ гр. Браницкой больше ничего, какъ амбаръ для пшеницы. Далѣе много такихъ домовъ съ балконами и колоннами и такимъ же назначеніемъ. Чернорабочіе провѣтриваютъ зерно, шевелятъ, просушиваютъ его на торпищахъ, разостланныхъ на улицѣ, чѣмъ занимаютъ половину ея. Ришельевская улица красивѣе: на ней много пирамидальныхъ тополей, бѣлыхъ акацій и вязовъ. Съ Успенской улицы начинаются заведенія ремесленниковъ, съ Почтовой магазины, которые съ Греческой становятся сплошными... Здѣсь вообще всѣ одѣты со вкусомъ: костюмы, будучи совершенно европейскими, носятъ на себѣ

какой то особый отпечатокъ. Шума и безпорядка на улицахъ никакого, а между тѣмъ полиціи рѣшительно не видать. Лишь черезъ недѣлю, и то по настоятельному требованію путешественниковъ, домовый дворникъ отнесъ паспорты ихъ въ полицію. С. п. ѣздилъ сегодня къ Ахлестышеву (военному губернатору Одессы); добрякъ и милый человѣкъ, старый солдатъ, какъ онъ самъ выражается про себя. Много разныхъ вещей говорилъ Ахлестышевъ объ одесскихъ порядкахъ; между прочимъ замѣчательно, что ежегодно приходитъ сюда изъ великороссійскихъ губерній тысячъ до пятнадцати безпаспортныхъ... Къ вечеру были въ представленіи Щепкина. «Мирандолина» со стороны Щепкина сошла хорошо, кромѣ костюма. Кравченко сносна, а Соколовъ несносенъ. Живокини такъ разсмѣшилъ Андрюшу[1]), что онъ не стерпѣлъ, взвизгнулъ, и весь театръ обернулся на нашъ бенуаръ. Ну ужъ «Москаль-чаривникъ» шелъ безподобно. Щепкинъ превосходенъ, а Григорьевъ въ роли солдата убѣдилъ, что онъ отличный и разнообразный актеръ. Послѣ спектакля, разумѣется, Палерояль и чай».

Путешественники пробыли въ Одессѣ почти два мѣсяца—до 14-го августа. Такое долгое пребываніе было вызвано тѣмъ, что они пользовались морскими купаніями, предписанными московскими врачами, а кн. Н. А. Оболенскій бралъ грязевыя ванны на лиманѣ. Лечебное заведеніе на лиманѣ уже существовало тогда, но въ очень маломъ размѣрѣ и достаточно примитивно организованное: грязевыя ванны Оболенскій, страдавшій подагрой и ревматизмомъ ногъ, бралъ, опуская ноги въ вырываемую для него на берегу яму. Пребываніемъ въ Одессѣ путешественники остались чрезвычайно довольны, ихъ плѣнялъ складъ общественной жизни въ Одессѣ, рѣзко отличавшійся отъ московскаго,—гораздо болѣе простой, свободный, близкій европейскимъ нравамъ. Время они проводили въ частыхъ поѣздкахъ по окрестностямъ, на Малый Фонтанъ (тутъ имѣлась примитивно сооруженная, уже не дѣйствовавшая, машина для откачиванія питьевой воды въ бочки), на дачу Рено, на хуторъ Ланжерона, на лиманъ, хуторъ Картаци, Стурдзы, въ нѣмецкую колонію Либенталь и т. п. Во время ихъ пребыванія въ Одессѣ туда на нѣсколько дней заходилъ военный фрегатъ «Флора», на которомъ плавалъ родственникъ ихъ кн. А. С. Оболенскій; они часто бывали на фрегатѣ и, при содѣйствіи Оболенскаго, предпринимали разнообразныя прогулки по морю на парусахъ, на веслахъ, съ музыкой и т. п. Очень часто посѣщали театръ,

---

[1]) Сынъ «старшаго путешественника», 12 лѣтъ.

итальянскую оперу (давали слѣдующія оперы: Севильскій цырульникъ, Норма, Лючія, Ломбарди, Эрнани, Отелло, Монтекки, Эдинбургская плѣнница, Робертъ д'Еверё, Моисей—по афишѣ «Петръ пустынникъ» и Il ritorno di columella da Padova, соч. Фіараванти) и драматическія представленія съ участіемъ Щепкина и Живокини. Общество, въ большинствѣ, было достаточно многочисленно; въ дневникѣ часто упоминаются слѣдующія фамиліи: гр. Орловъ съ женой (красавицей), Столыпины, Козловы, Базилевскіе, Шидловскіе, кн. Витгенштейнъ, Радзивилъ, Пущинъ, Денисовы, Сущовъ, Рахмановы, Штакельбергъ, бар. Корфъ, кн. Гагаринъ, Малиневскій. Между одесситами было много поляковъ. Между собственниками магазиновъ встрѣчались итальянцы, караимы и въ значительномъ количествѣ евреи. Такъ какъ Одесса въ то время была porto franco, то при каждомъ выѣздѣ изъ черты города производился таможенный досмотръ, но очень поверхностно и учтиво, какъ простая формальность.

15 августа путешественники, оставивъ дѣтей подъ надзоромъ гувернера въ Одессѣ, отправились на пароходѣ «Дарго» въ Крымъ. Выѣздъ изъ Одессы описанъ въ дневникѣ такъ:... «Насилу выбрались изъ дома: то то не готово, то другое. Станутъ искать зонтикъ и найдутъ узелъ съ чаемъ, который безъ того забыли бы захватить. Заказанныя бріоши еще въ печи; шляпка А. А. еще не готова... однако двинулись. На таможнѣ разбирали всю поклажу, но были весьма милы, что вовлекло с. п. въ великодушіе, выразившееся карбованцемъ. Вещи на пароходѣ и уже разобраны по мѣстнымъ каютамъ. Пароходъ теперь некрасивъ: заваленъ разными тюками, зашитыми въ рогожи экипажами и пассажирскою крупною поклажей... Путешественники, подобно большинству пассажировъ 1-го разряда, частью и 2-го, провели ночь на палубѣ, на вынесенныхъ для того матрасахъ,—въ каютахъ за духотою невозможно было оставаться». Въ дневникѣ цитированъ списокъ пассажировъ (57 человѣкъ), въ которомъ между прочими, значатся: «Болеславъ и Георгій Корабелли, Одесскій мѣщанинъ Горнштейнъ, три татарина, крестьянка Анна Рѣпнова, мраморщикъ Рока Маринати съ пятью крестьянами и дѣвкою, помѣщикъ Гижицкій съ товарищемъ и слугой, коллежская совѣтница Наталья Гриневичева съ дѣвицей Ольгой Дмитріевной и прислугой, садовникъ Ровбзо, полтавка Акулина, Жанетта Форманъ, Англичанинъ Мартинъ, пруссачка Виргинія Ришкордъ, грекъ Петала».

Въ Ялтѣ путешественники оставили пароходъ и достали себѣ, не безъ труда,—при содѣйствіи мѣстнаго аптекаря, экипажъ «ящикъ, въ которомъ спереди и сзади на ремняхъ повѣшены

кресла,—каждое для двухъ; прислуга отправится на перекладныхъ... За подорожною с. п. отправился самъ. На бѣду его уѣздный казначей (мѣстность Ялты такъ романтически хороша, что можно бы, кажется, объ закладъ побиться, что въ такомъ очаровательномъ уголкѣ не можетъ быть уѣздныхъ казначеевъ) отдыхалъ послѣ обѣда. Присяжный счетчикъ ни за что не рѣшался разбудить его,—молъ—съ супругою изволятъ отдыхать. Взамѣнъ казначея добытъ, хотя и не скоро, помощникъ его—заика. Пока закладывали лошадей, путешественники отлично выкупались. Выѣхали изъ Ялты, побранившись съ содержателемъ гостиницы, который за два часа постоя и воду для умыванія хотѣлъ взять 6 рублей... Пили чай въ Юрсуфѣ у гостепріимнаго садовника... *Бахчисарай*. Дорога отъ Симферополя до самаго Бахчисарая прескучная, точно великорусская степная губернія. Почтовая станція здѣсь устроена въ двухъ верстахъ отъ города. Видъ его поразителенъ для русскаго: всѣ лавки и мастерскія совершенно открыты,—передней стѣны нѣтъ... Изъ кофейни туристы пошли осматривать дворецъ. Общій наружный видъ и нѣкоторыя комнаты, въ особенности кабинетъ хана и диванъ, прекрасны; сѣни также очень хороши. Реставрированъ дворецъ усердно, но глупо: диваны сдѣланы такіе, какіе въ Европѣ называютъ турецкими, т.-е. на полъ-аршина выше прежнихъ, отчего на покрытіе ихъ не достало прежней отличной, шитой золотомъ, зеленой шелковой матеріи; сдѣлали къ стѣнѣ подставку изъ бѣлаго холста,—будто бы, въ видахъ сбереженія, часть верхней подушки покрыта полотномъ. Вообразили комнату Маріи Потоцкой и надъ каминомъ сдѣлали луну съ крестомъ. Надъ одной дверью, отдѣланной въ чисто восточномъ вкусѣ, поставили русскаго двуглаваго орла. Сѣни съ фонтанами превосходны, но содержатся не такъ, какъ бы слѣдовало: въ бассейнѣ одного изъ нихъ виноградная кожица, куски хлѣба и оглоданныя куриныя кости... *Севастополь*. Городъ довольно хорошъ; въ особенности хороша церковь на горѣ съ фасадомъ, снятымъ съ храма Тезея; хороша оборонительная казарма на берегу рейда, изъ оконъ которой, обращенныхъ къ морю, выглядываютъ триста орудій большого калибра... Въ заключеніе отправились на корабль «12 апостоловъ». Что это за красивая громада! Устройство линейнаго корабля извѣстно,—описывать его нечего; скажемъ только: 120-ти пушечный, и довольно. Пройдешь по палубѣ отъ кормы до носа и усталъ. Въ адмиральской каютѣ шесть комнатъ, изъ которыхъ три очень просторныя и роскошно меблированныя съ чудеснымъ наружнымъ балкономъ, офицерскія каюты чрезвычайно просторны. Капитанъ—Корниловъ въ Англіи... *Байдары*. Дорога и станція

въ продолженіе, примѣрно, верстъ шести, идетъ красивыми извилинами въ гору. По горѣ роскошный лѣсъ; почти всѣ ближнія къ дорогѣ деревья до половины ствола срублены татарами, ворующими лѣсъ, и, несмотря на то, благодаря благословенному климату, здоровехоньки и одѣты густою зеленью. Въ теченіе всего подъема Байдарская долина кокетливо показывается съ разныхъ сторонъ; отсюда,—не то что съ пріѣзда,—она заслуживаетъ свою репутацію живописной долины. Потѣшивъ взоръ путника своими татарскими деревнями, бархатною зеленью травы и свѣтлыми ручьями, она, наконецъ, скрывается изъ глазъ. Дорога, врѣзавшись въ чащу, версты черезъ полторы вдругъ круто поворачиваетъ влѣво, подходитъ подъ строящіяся между двумя отвѣсными скалами гранитныя ворота и, какъ бы по знаку волшебника, выводитъ путника мгновенно на южный берегъ; вправо подъ ногами море, влѣво голая, страшная, обрывистая скала. Отсюда дорога идетъ постепенно внизъ, изгибаясь по боку горы, огибаетъ небольшую скалу съ крестомъ на вершинѣ и потомъ, въ продолженіе версты, тянется по одному направленію... *Мисхоръ*. Не доѣзжая до царской Оріанды всякій путникъ поразится видомъ вызолоченнаго креста на яблокѣ, поставленнаго на вершинѣ очень высокой утесистой горы. Царская Оріанда не въ приборѣ: дорога въ нее узка и крута. Достраивается довольно большой, изъ мѣстнаго бѣлаго мрамора, дворецъ съ пошлою офиціальною физіономіею, кромѣ фаса, обращеннаго къ морю, который хорошъ. Около дворца со всѣхъ сторонъ планируютъ каменную гору на большое пространство,—хоть конную бригаду учи!.. Можетъ быть, это со временемъ будетъ и хорошо, а теперь какъ то прискорбно смотрѣть, что выравниваютъ такія прелести, да и денегъ эта нивелировка унесетъ довольно. Садъ не въ большомъ порядкѣ... Отправились назадъ, не восхитившись особенно ничѣмъ, кромѣ живописной полукруглой колоннады на вершинѣ узкаго утеса, точно наперстокъ на пальцѣ. Виноградникъ здѣшній въ отличномъ положеніи. Мѣстоположеніе другой Оріанды, принадлежащей великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, лучше царской, но такого запущенія и отвратительной небрежности и нечистоты, какія господствуютъ здѣсь повсюду, кромѣ двухъ дорожекъ, ведущихъ отъ въѣзда, и вообразить невозможно ... Въ четырехъ верстахъ не доѣзжая Ялты чудесная дача графа Потоцкаго—Ливадія. Въ ней нѣтъ тѣхъ дикихъ поразительныхъ красотъ, которыми изобилуютъ остальныя дачи южнаго берега, зато вся она какъ то особенно мила, привлекательна и содержится въ отличномъ порядкѣ.. *Пароходъ Дарго*.... Графиня Киселева сидитъ на палубѣ въ собственномъ креслѣ, стоящемъ у спуска въ каюту и что-то вяжетъ; мальчишка

внукъ валяется на коврѣ и играетъ со своей собакой. При графинѣ: докторъ-полякъ, гувернеръ-итальянецъ, поваръ-французъ и горничная-француженка. Графиня яростно читаетъ газеты. Кромѣ графини замѣчательны: татарскій князь, ѣдущій въ Мекку на поклоненіе; онъ служилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ въ татарскомъ полу-эскадронѣ; хорошо говоритъ по-русски; носитъ смазные сапоги, а для очищенія поганьской совѣсти надѣваетъ на нихъ, какъ галоши, желтые сафьянныя туфли; какъ станетъ молиться, такъ туфли долой и щеголяетъ въ сапогахъ, а Магометъ думаетъ, что онъ босой. Потомъ пожилой монахъ-армянинъ съ наперснымъ эмалевымъ крестомъ, въ бѣломъ вязаномъ колпакѣ, съ очками на лбу, говорящій хорошо по русски, итальянски и французски: онъ отправляется въ Венецію, гдѣ воспитывался... *Одесса.* Пылью и жаромъ встрѣтила туристовъ Одесса. Напившись кофе, с. п. пошелъ купаться; купальня опустѣла, вода сдѣлалась свѣжѣе... Какъ тошна теперь кажется Одесса послѣ восхитительныхъ береговъ волшебнаго Крыма. Даже писать нельзя— такъ пыльна Одесса! Пале-рояль пустѣетъ... Пора домой... Эбенштейтъ водилъ с. п. во вновь открытый казино, который съ утра до вечера полонъ; устроенъ чисто, много въ немъ карточныхъ столовъ, покрытыхъ не сукномъ, а черной кожей, отличный билліардъ, но играютъ какъ въ карты, такъ и на билліардѣ мало:все больше толкуютъ о коммерческихъ дѣлахъ. Большинство посѣтителей въ шляпахъ. Штрафъ начинаютъ взыскивать съ 10 часовъ вечера».

Въ 1843 г. отецъ ѣздилъ съ матушкой въ Петербургъ, и тоже велъ дневникъ этой поѣздки, совершенной конечно на лошадяхъ и тоже въ собственной дорожной каретѣ, при чемъ путникамъ не мало пришлось страдать отъ мѣстами очень плохой дороги (поѣздка совершалась въ маѣ). Какъ видно изъ дневника, мостовыя въ Петербургѣ въ то время были немногимъ лучше московскихъ, очень плохи. Остановились Давыдовы въ гостиницѣ Coulon, платя за № въ бельэтажѣ 35 рублей въ недѣлю, а за карету четверней 125 рублей въ недѣлю. Изъ ресторановъ въ дневникѣ упоминаются Излеръ, Доминикъ и Жоржъ (обѣдъ у котораго на троихъ съ бутылкой шампанскаго стоилъ 55 рублей); у Смурова въ комнатахъ за магазиномъ ѣли устрицы, запивая портеромъ. Отецъ остался очень доволенъ французскимъ театромъ, а также, русской оперой, въ которой, между прочимъ, принималъ участіе итальянецъ теноръ Рубини, а изъ русскихъ пѣвцовъ отличались Степанова, Семенова и Артемовскій. Александровскій театръ менѣе удовлетворилъ отца; въ дневникѣ значится: «Каратыгинъ ревѣлъ немилосердно, за что ему сильно хлопали, жена его не от-

ставала отъ него. Я отвыкъ отъ этихъ ужасныхъ возгласовъ, за то и поразили они меня: невыносимо дурно. Потомъ шелъ водевильчикъ; Максимовъ очень хорошъ, Григорьевъ первый также, даже и Самойлова не дурна». Одобрительный отзывъ имѣется также о полиціи, которая «много учтивѣе московской».

Въ описаніи большихъ поѣздокъ отца по Россіи,—въ Пензу, Саратовъ и т. п.—обращаетъ на себя вниманіе бездна мелкихъ дорожныхъ приключеній, неизмѣнно непріятнаго характера, какъ то: отсутствіе лошадей на станціяхъ, прижимки «вольныхъ ямщиковъ», непролазная грязь, въ которой застреваютъ и ломаются экипажи, даже крѣпкіе тогдашніе тарантасы, отсутствіе сносной пищи на остановкахъ, грязь станціонныхъ помѣщеній и присутствіе въ гостиницахъ и губернскихъ городовъ, ужъ не говоря про уѣздные, клоповъ и прочей нечисти. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи переѣздъ моей матери съ дѣтьми изъ Москвы въ Кулеватово (гдѣ въ это время былъ отецъ) въ самыхъ первыхъ числахъ марта (въ 1849 году). Сборы матушки изъ Москвы длились очень долго, ибо все являлись препятствія,—то чье-либо нездоровье (между прочимъ одного изъ дворовой прислуги, ѣхавшей, съ нею,— фельдшера Пучкова), то жестокіе метели и холода, то вѣсти о непроѣздной изъ-за ухабовъ и массы снѣга дороги. Матушка,судя по ея письмамъ, была въ отчаяньѣ и чуть не ежедневно мѣняла рѣшенія свои ѣхать или не ѣхать. И такое положеніе длилось не меньше мѣсяца.

Матушкѣ приходилось въ годы, когда семья Давыдовыхъ проводила зиму въ Москвѣ, переѣзжать съ дѣтьми весною въ Кулеватово, а осенью обратно, и эти переѣзды давались, особенно осенью, очень не легко. Къ нимъ задолго готовились, «людей» съ тяжелымъ багажемъ, въ особомъ фургонѣ, отправляли впередъ, запасались провизіей, теплымъ платьемъ, день отъѣзда нерѣдко откладывался изъ-за дождей и непроѣзжей дороги, иной разъ на долгій срокъ; въ день выѣзда всегда служили напутственный молебенъ, а въ Москвѣ, кромѣ того, приглашали Иверскую; по дорогѣ заѣзжали къ знакомымъ или роднѣ (около Козлова Сабуровы, въ Рязанской губерніи Оболенскіе и т. п.), гдѣ случалось пробыть, тоже въ ожиданіи улучшенія погоды и дороги, подолгу,— недѣлю и больше. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ письма матушки къ отцу изъ Александровки, отъ Сабуровыхъ, гдѣ ей неожиданно пришлось прожить, выжидая прекращенія лившихъ дождей, съ 7-го по 17-е сентября:... «Я прямо въ отчаяньѣ отъ нашего опозданія, но съ другой стороны—это счастье, что я отложила выѣздъ; по свѣдѣніямъ, полученнымъ нами изъ Тамбова и изъ «Двориковъ», дорога ужасная, въ сутки дѣлаютъ только одну

станцію, а около Ряжска экипажи застреваютъ и по суткамъ сидятъ, пока изъ деревни не приходитъ народъ вытаскивать!..»

Отецъ съ семьей въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія проводилъ въ деревнѣ не только лѣто (въ Кулеватовѣ, Спасскомъ тожъ), но и зиму, выѣзжая временно по дѣламъ въ Тамбовъ, а также въ Москву, въ послѣднемъ случаѣ обычно уже съ матушкой и дѣтьми, при чемъ они останавливались у старшихъ Оболенскихъ (родители матушки) въ ихъ большомъ домѣ на Рождественкѣ (въ настоящее время тамъ гостиница, бывшая Берлинъ). Тамбовское имѣніе отца было изъ крупныхъ,— при двухъ селахъ Кулеватовѣ и Вирятинѣ. Кулеватовская усадьба представляла изъ себя какъ бы городокъ, настолько она была застроена жилыми, въ большинствѣ каменными, и нежилыми зданіями; большой двухъ-этажный домъ вмѣщалъ въ себѣ около тридцати комнатъ, не считая прихожихъ, коридоровъ и кладовыхъ; кромѣ него имѣлся большой флигель, контора, больница, рядъ строеній для жилья дворовыхъ, водяная мукомольная мельница со своими жилыми строеніями, столярная, слесарная, шорная мастерскія, кузница, конный дворъ съ манежемъ, скотный дворъ, амбары, сараи, баня, аптека и т. п. При домѣ имѣлось два сада, изъ которыхъ одинъ, липовой аллеей, велъ къ каменной церкви, а при садѣ имѣлись грунтовые сараи для шпанскихъ вишенъ и грушъ, оранжереи и теплица, а при домѣ, прилегавшій къ кабинету отца, зимній садъ. Въ большомъ саду протекала многоводная рѣка Челновая, на возвышенномъ берегу которой была построена помѣстительная, жилая лишь въ лѣтнее время, галлерея. Почти всѣ строенія были возведены еще прадѣдомъ, но садовая часть была доведена до совершенства уже отцомъ, такъ же, какъ весьма обширная, хорошо составленная и постоянно пополнявшаяся, библіотека. Дворня была весьма многочисленна: кромѣ домашней прислуги разныхъ категорій, имѣлись свои столяры, токари, слесаря, кузнецы, бондари, шорники, сапожники, портные, каменщики, кучера, конюхи, садовники, огородники, повара, хлѣбникъ и т. д.; во флигелѣ дѣвушки и женщины ткали полотна, вышивали и занимались другими рукодѣльными работами. Большинство мастеровыхъ еще мальчиками отдавались въ ученіе, многіе въ Москву (садовники и повара); при дворнѣ имѣлись свои фельдшеръ, учитель (онъ не шелъ дальше преподаванія грамоты русской и церковно-славянской и церковнаго пѣнія) и бухгалтеръ; управляющій былъ тоже изъ своихъ людей. Несмотря на сравнительную затруднительность почтовыхъ сношеній со столицами и съ «заграницей», отецъ постоянно выписывалъ изъ первыхъ рукъ всевозможныя новости по

части садовой и плодовой культуры и домашняго обихода, книги и журналы. При усадьбѣ состоялъ, войдя въ семью отца какъ равноправный членъ, докторъ; при дѣтяхъ, по мѣрѣ того какъ они выходили изъ возраста, требующаго ухода лишь нянекъ и дядекъ, состояли гувернеры, гувернантка и учителя, русскіе и нѣмцы (гувернантка была изъ французской Швейцаріи), а въ томъ числѣ хорошо извѣстные впослѣдствіи Москвѣ Митрофанъ Павловичъ Щепкинъ и выдающійся педагогъ Владиміръ Петровичъ Шереметьевскій. Дѣти (братья мои и я лично), воспитывались дома до поступленія въ университетъ; въ деревню пріѣзжали разъ, или два въ недѣлю, преподаватели музыки (фортепіано, скрипка. віолончель), чистописанія и рисованія (Стрибольтъ изъ Моршанска и Гравертъ изъ сосѣдняго имѣнія кн. Голицыныхъ и Прокуниныхъ—Сосновки). Отецъ не былъ псовымъ охотникомъ и не увлекался лошадинымъ спортомъ, а потому на усадьбѣ не было обычныхъ въ ту пору въ помѣщичьемъ быту псарни съ доѣзжачими, выжлятниками и вообще охотничьей обстановки, а также наѣздниковъ. Конный заводъ существовалъ, но не было ни рысистыхъ, ни скаковыхъ лошадей, и дѣло ограничивалось заботой о хорошихъ выѣздныхъ и рабочихъ лошадяхъ. Вообще на усадьбѣ и въ домашнемъ обиходѣ кулеватовскихъ помѣщиковъ имѣлось больше культурности, чѣмъ въ большинствѣ тогдашнихъ дворянскихъ гнѣздъ. Это отражалось и на управленіи вотчиной, т.-е. крестьянами и дворовыми, и вообще на веденіи хозяйства. Эксплуатаціи крѣпостныхъ людей не было, но бывали случаи, хотя очень рѣдкіе, тѣлеснаго наказанія, къ серединѣ пятидесятыхъ годовъ совсѣмъ однако прекратившіеся. Крестьяне обоихъ селъ были по своему состоятельны: избы, иныя каменныя, и хозяйственныя постройки на дворахъ, были солидны, а гумнахъ по осени становилось по-многу кладушекъ хлѣба; скота и лошадей было достаточно и хорошаго качества, огороды и коноплянники стояли обширные и хорошо содержимые, многіе крестьяне промышляли зимой извозомъ, торговлей, скотомъ и рыбой (внѣ своей округи), рыбачили и жили вообще исправно. Одѣвались крестьяне хорошо, во все крѣпкое (кафтаны, поддевки, кушаки, поярковыя шляпы гречниками), а женщины, особенно дѣвицы, и красиво; весною и въ лѣтніе праздники на селѣ и на ближнемъ выгонѣ стояло большое веселье, и чудныя народныя пѣсни,—оканчательно забытыя теперь и вытѣсненныя отвратительными романсами и нелѣпыми частушками, оглашали, вечерами,—особливо въ покосъ,—на-далеко окрестности села. Дворня жила совершенно обособленно отъ села; каждая семья имѣла свое особое помѣщеніе (комнату въ одномъ изъ флигелей или свой домикъ);

имъ отводились, на каждую семью, огородная земля около рѣчки; обшивались, обувались и одѣвались дворовые, конечно, на господскій счетъ, домашними средствами; всѣ получали, по количеству членовъ семьи, мѣсячину, а служащіе и ремесленники небольшое опредѣленное денежное жалованье; заболѣвшіе помѣщались въ больницу. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, лѣтомъ, дворовая молодежь водила на большомъ дворѣ усадьбы хороводы съ пѣніемъ и пляской, занималась играми въ городки, бабки, лунки, а зимой катались съ устраиваемой въ саду ледяной горы; всѣ дворовые мальчики обязательно обучались грамотѣ. И зимой и лѣтомъ, по нѣсколько разъ въ годъ, на усадьбѣ устраивалось послѣ обѣдни праздничное угощенье для крестьянъ, подавались пироги и водка, для непьющихъ—чай, а женщинамъ и дѣтямъ лакомства (орѣхи, пряники) и подарки (платки, ленты).

Гостей бывало въ Кулеватовѣ немного и не часто; въ этомъ отношеніи жизнь родителей тоже отличалась отъ общепринятаго въ тѣ годы помѣщичьяго обихода, при которомъ пріемъ у себя и поѣздки въ гости были явленіями обычными; выпиваніе также совсѣмъ не признавалось и не допускалось отцомъ, и водка даже не подавалась обычно къ обѣденному столу. Кромѣ своего интимнаго общества—домашній докторъ, учителя свои и наѣзжавшіе, въ Кулеватовѣ чаще другихъ бывали сосѣди Огаревы (старуха вдова и нѣсколько ея дочерей), усадьба которыхъ была всего въ верстахъ трехъ, Голицины и Прокунины изъ Сосновки (20 верстъ), Кругликовы изъ Дегтянки (верстъ 25,) и болѣе отдаленные сосѣди-друзья Сабуровы (верстъ 60). Но обычно въ Кулеватовѣ, въ семьѣ родителей, проживали уже не въ качествѣ гостей, а какъ постоянные нахлѣбники, кто-либо изъ близкихъ имъ людей, нуждавшихся въ кровлѣ временно, а то и окончательно поселившіеся у Давыдовыхъ.

Вотъ какъ отецъ описываетъ свою жизнь въ Кулеватовѣ зимою (въ 1849 году), въ отсутствіе матушки и части дѣтей, бывшихъ въ то время въ Москвѣ, откуда отецъ незадолго передъ тѣмъ переѣхалъ въ деревню: «*30 Генваря*». Прошелъ день мирной Кулеватовской жизни, и все было бы очень хорошо, еслибъ ты была съ нами. Семейный кружокъ нашъ въ деревнѣ такъ сжился, мы такъ вмѣстѣ живемъ, что это совершенное наслажденіе. Ты знаешь, что мы отлично доѣхали до Рязани, не имѣя нигдѣ задержки въ лошадяхъ, но съ Рязани начались наши мученія: лошади сбитыя, полусытыя, дорога несносная, не столько по ухабамъ, сколько потому что узка, вся изрыта и торчитъ бугромъ»... Вотъ продолженіе его письма: «Мавра Андреевна (крѣпостная экономка) опять съ новаго года совсѣмъ оглохла. Майоръ

(докторъ) неизмѣнимъ, только что эмансипировался, много разъѣзжалъ и въ Тамбовъ, и въ Моршу, и по сосѣдямъ. Послѣ завтрака пошелъ съ дѣтьми по оранжереямъ и нашелъ ихъ въ удовлетворительномъ положеніи. Цвѣтная часть задержана: гіацинтовъ цвѣтетъ только еще 7 горшковъ, камелія одна, лимонныя деревья въ хорошемъ видѣ... Леонтій Ивановичъ (старикъ столяръ) вчера кончилъ большой разборный столъ для столовой; равномѣрно кончили ширмочки для гостинной около печи, гдѣ мебель, по твоему желанію, перекрыта. Майоръ изъ оставленныхъ мною ему померанцевъ, сдѣлалъ два напитка; изъ нихъ водица отлично удалась. Послѣ обѣда я занялся съ дѣтьми разборкой прошлогодняго Siècle. Вечеръ мы заключили общимъ чтеніемъ прекрасныхъ писемъ объ Испаніи Боткина и потекла наша мирная жизнь обычною чередою... Егоръ Фроловичъ вернулся изъ Моршанска, продавъ разнаго хлѣба 1690 четвертей и 150 кулечковъ гороховой муки на сумму 14639 рублей ассигнаціями, а цѣны вообще таковы: овесъ сухой, подсѣянный, 8 мѣръ въ гребло, по 7 р. 60 к., мука урожая 1847 года и рожь нынѣшняго урожая въ одной цѣнѣ 11 р. 65 к. Мука ржаная урожая 1845 г.—12 р. 15 к. за куль... Послѣ кофею до 10 часовъ я занимался съ Егоромъ Фроловичемъ разными пріятными и полезными разговорами, потомъ до 11 часовъ заставлялъ Андрюшу писать подъ диктовку (очень неуспѣшно, на одной страницѣ онъ сдѣлалъ 23 ошибки), потомъ привелъ въ порядокъ письма, потомъ Мавра Андреевна прислала мнѣ попробовать купленное мною въ Москвѣ прованское масло, а послѣ завтрака гулялъ съ дѣтьми и, между прочимъ, заказалъ Исаю сдѣлать гору, По возвращеніи началъ заниматься библіотекой и, кстати, попрошу тебя узнать у Кистера не можетъ ли онъ прислать мнѣ въ Тамбовъ книги, оставленныя мною въ Москвѣ для которыхъ ты вели купить ящикъ, потомъ докончилъ разборку и устройство моихъ садовыхъ бумагъ. Въ 4 часа предстоялъ ботаническій урокъ, но Федя забылъ въ Москвѣ ботаническую тетрадь. Послѣ обѣда читалъ журналы, затѣмъ была астрономическая бесѣда съ дѣтьми и кончилась общимъ пріятнымъ чаепитіемъ... О столѣ Кати я не забылъ, но еще не заказалъ его, потому что Леонтій оканчиваетъ биллiардъ, а потомъ мнѣ надо приставить полокъ для журналовъ. Вотъ весь мой день!.. Вечеромъ читали Греча, но онъ несносно сухъ, несмотря на приторныя остроты. Часовъ въ 9 явился ко мнѣ Семенъ Никитинъ и съ озабоченнымъ видомъ объявилъ (у Егора голова болитъ) что изъ Вирятина присланъ нарочный: овинъ горитъ. Отправилъ туда Исая, пожарныя трубы и Семена, а самъ не поѣхалъ, слишкомъ погодисто... Еще до кофія явился Исай съ донесеніемъ о Вирятинскомъ

пожарѣ; огонь быстро затушили, и сгорѣло очень немного. Нынче прибыли гости и, къ сожалѣнію, пробыли весь день, но еще до нихъ я успѣлъ заняться съ Андрюшей, писалъ каталогъ, завтракалъ, писалъ къ Готье[1]). Въ фортепіанахъ нашихъ были безпорядки въ механизмѣ, рамку подъ клавіатурой повело, надо было подклеить сукно, да нѣкоторые молоточки покривились. Все это справилось, но строй еще не совсѣмъ хорошъ, а настройщикъ никакъ не могъ оставаться дольше. Всѣ наши гости, не исключая князя Василья Павловича[2]) ночуютъ у насъ и всѣ просидѣли до полуночи въ пріятномъ бездѣйствіи... Послѣ блиновъ, еще по хорошей погодѣ, поѣхалъ я къ сосѣдушкѣ (Огаревой). Насилу доѣхалъ до нея, такъ домъ занесло снѣгомъ, что надо объѣзжать задами, черезъ внутренній дворъ... Вечеромъ, конечно, читали; кончили письма Герцена и принялись за большой романъ Диккенса «Торговый домъ Домби и сынъ»...

Лѣто матушка, за самыми рѣдкими исключеніями, вызывавшимися поѣздками къ старикамъ Оболенскимъ въ Троицкое, проводила съ младшими дѣтьми всегда въ Кулеватовѣ. Въ сельское, садовое и даже домашнее хозяйство она не вникала, предоставляя все управленіе въ Кулеватовѣ Егору Фроловичу, садовнику Іону Павловичу и экономкѣ Маврѣ Андреевнѣ. Кулеватовская домашняя жизнь и въ отсутствіе отца проходила по той же, приблизительно, программѣ, какъ и при немъ, за исключеніемъ личныхъ его уроковъ дѣтямъ. Въ теченіе дня или вечерами, если не предпринималась большая прогулка, происходило общее чтеніе, по воскресеньямъ и праздникамъ всѣ обитатели Кулеватова (иные изъ учителей, случалось, уклонялись отъ этой обязанности) отправлялись къ обѣднѣ. Въ хорошую погоду предпринималась прогулка съ дѣтьми по рѣкѣ въ большой лодкѣ съ четырьмя гребцами изъ молодыхъ дворовыхъ, въ недалекій лѣсъ; тамъ въ котловинѣ, окруженной высокими могучими соснами, устраивался чай и подавались разныя деревенскія лакомства. Въ грибную пору матушка съ дѣтьми и многочисленными дѣвушками (горничными и швеями) ѣздила на цѣлый день, взявъ съ собой провизію, въ дальній лѣсъ по грибы. И дѣти, и дворовыя дѣвушки очень любили такія поѣздки, при которыхъ набиралось обычно великое множество «бѣлыхъ грибовъ» (березовыхъ не брали ужъ), и лѣсъ въ теченіе цѣлаго дня оглашался веселымъ ауканьемъ и пѣснями дѣвицъ, радостно занимавшихся, вернувшись домой, и разборомъ, сортировкой и чисткой грибовъ. Осенью такія экспе-

---

[1]) Московскій французскій книжный магазинъ.
[2]) Голицынъ.

диціи предпринимались, но уже безъ матушки и дѣтей, а подъ водительствомъ старшей горничной Авдотьи Ивановны; тутъ набирались рыжики, бѣлянки, волнушки, солившіеся потомъ Маврой Андреевной. Съ дѣтьми же матушка ѣзжала тоже, въ сопровожденіи многочисленнаго женскаго штата, въ лѣсъ за орѣхами. Въ отношеніи пріема гостей и выѣздовъ къ сосѣдямъ, особенно въ послѣднемъ отношеніи, матушка еще болѣе отца держала себя отрицательно Но въ 1855 г. лѣтомъ матушкѣ, въ отсутствіе отца, пришлось оказывать гостепріимство многочисленнымъ гостямъ, — севастопольскимъ ополченцамъ. Какъ извѣстно въ этому году помѣстное дворянство въ Россіи составило изъ «своихъ» крестьянъ ратническія ополченія, подъ командой, въ большинствѣ, своихъ же помѣщиковъ—отставныхъ офицеровъ, и двинуло ихъ, по призыву правительства, на защиту Севастополя. Тамбовская губернія не отстала отъ другихъ, и въ ней сформировалась большая дружина, находившаяся подъ общимъ командованіемъ отставного генерала, богатого козловскаго помѣщика и конно-заводчика Жихарева. Ополченіе дѣлилось на команды по уѣздамъ, и вотъ дружина моршанская, темниковская и еще какая-то проходили въ походномъ строю мимо Кулеватова, лежавшаго на большой дорогѣ, связывающей Тамбовъ съ Моршанскомъ и сѣверными уѣздами губерніи. Въ Кулеватовѣ и близъ лежащихъ селахъ Отъясахъ и Перкинѣ назначались дневки и мѣстное населеніе чествовало и угощало ратниковъ. Матушка отправляясь встрѣчать ополченцевъ на большую дорогу, изъ церкви выходилъ съ крестомъ священникъ, ратники размѣщались по избамъ крестьянъ, а офицерство матушка приглашала на усадьбу, гдѣ подавался торжественный съ тостами обѣдъ, и нерѣдко офицеры имѣли и ночлегъ. Одно изъ ополченій оставалось подъ Кулеватовымъ довольно долго, и обитатели усадьбы вступали въ дружбу—въ оособенности молодежь,—съ ополченскими офицерами, веселившими кулеватовцевъ пѣсенниками, плясомъ и вообще оживленіемъ однообразной деревенской жизни.

Изъ переписки отца съ матерью въ лѣтніе мѣсяцы усматривается, что климатическія условія въ нашей мѣстности въ лѣтнюю пору мало измѣнились къ настоящему времени. Зима же была несравненно суровѣе: и морозы были крѣпче, и снѣга выпадало больше, раньше устанавливался зимній путь, и зима дольше боролась съ весною. Но въ лѣтніе мѣсяцы встрѣчались и въ сороковыхъ, и пятидесятыхъ годахъ тѣ же хозяйственныя невзгоды что и теперь: жестокія весеннія засухи (въ маѣ и началѣ іюня), длительные дожди въ іюлѣ и августѣ, мѣшавшіе уборкѣ хлѣбовъ и приводившіе помѣщиковъ въ отчаяніе, хотя имъ въ то время,

при крѣпостномъ правѣ и даровомъ трудѣ находившихся въ ихъ распоряженіи крестьянъ, сравнительно легко было справляться съ полевыми работами. Отецъ самъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, т.-е. самъ опредѣлялъ порядокъ веденія его, поручая непосредственное исполненіе управляющему, котораго затѣмъ контролировалъ, но лично отецъ занимался, и притомъ съ увлеченіемъ, садоводствомъ и плодоводствомъ. На зиму заготовлялась и, когда родители жили въ Москвѣ, доставлялась туда масса провизіи въ видѣ варенья, смоквъ, сушеныхъ, вяленыхъ, консервированныхъ ягодъ и плодовъ, соленій, и т. п. Вообще въ Москвѣ родители пользовались въ домашнемъ обиходѣ кулеватовскими продуктами, какъ-то мукой, крупой, овощами, масломъ, битою птицей и другой провизіей, привозившейся въ Москву съ осени и зимой цѣлыми обозами.

Выѣзды отца въ Тамбовъ носили исключительно дѣловой характеръ, и онъ тамъ оставался очень недолго, не принимая, въ сущности, участія въ мѣстной жизни, о чемъ свидѣтельствуетъ оказавшееся у меня, къ сожалѣнію, въ неоконченномъ видѣ, письмо отца къ матушкѣ, написанное въ Тамбовѣ во время дворянскихъ выборовъ (въ концѣ сороковыхъ или началѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія). Вотъ этотъ отрывокъ:

«9-го декабря. Тамбовъ».

Собирается побоище великое, но безтолковое и спѣшное со стороны губернатора, и я боюсь, что онъ потерпитъ пораженіе, но такъ какъ этотъ вопросъ политическій, требующій для полнаго объясненія, вступленія и подробнаго развитія нѣкоторыхъ началъ, то объясненіе его отлагается до свиданія, а теперь слѣдуетъ отчетъ о моихъ поступкахъ:

Въ 9 часовъ утра Яковъ Сабуровъ, на вопросъ мой, увѣдомилъ меня, что въ 12 часовъ всѣ ѣдутъ со своими предводителями къ губернскому предводителю и оттуда къ губернатору, и что мнѣ за неимѣніемъ настоящаго предводителя слѣдуетъ ѣхать къ Хвощинскому (нашему депутату), живущему у Кутайсова, противъ квартиры его, Сабурова, то онъ и проситъ меня заѣхать прежде къ нему, что я и исполнилъ. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхали къ Хвощинскому и застали его садящагося въ карету съ Кутайсовымъ. У губернскаго предводителя собралось моршанскихъ дворянъ только трое, именно: Кутайсовъ, Александръ Хрущовъ и я. Арапова я нашелъ чрезвычайно разстроеннымъ и потерянным; онъ сказалъ дворянамъ, довольно некстати, что каждые три года онъ имѣетъ удовольствіе видѣть у себя всѣхъ дворянъ и непремѣнно хотѣлъ, чтобы я сѣлъ на первое мѣсто на диванъ, чѣмъ я

его, однако, безъ особеннаго ломанья, не потѣшилъ. Тутъ я познакомился съ Х., отъ котораго намъ, какъ отъ козла, ни шерсти не будетъ, ни молока. Тутъ же подошелъ ко мнѣ С. (ужасная фигура!) и объявилъ, что онъ давно питаетъ желаніе познакомиться со мною. «Я уже имѣю честь быть знакомъ съ Вами.—Да, у Степана Петровича? Но теперь Василій Васильевичъ... Мнѣ еще нужно переговорить съ Вами (на ухо): Все что Вамъ будетъ угод...— Яковъ Ивановичъ, я рѣшительно ни во что не вступаюсь и не желаю вступаться». Тѣмъ исторія и кончилась. Явился Соловой. Передъ отъѣздомъ нашимъ къ губернатору, куда однако Араповъ не поѣхалъ, онъ сказалъ мнѣ: надѣюсь В. В., что я буду имѣть честь видѣть Васъ у себя и безъ мундира... У губернатора внизу, кромѣ жандарма, никого, тогда какъ было шубъ до сотни, безъ лакеевъ. На верху, въ дверяхъ изъ офиціанской въ залу, камердинеръ его въ парадномъ ливрейномъ кафтанѣ, и болѣе ничего. Пріемъ въ гостинной, а чехлы на мебеляхъ не сняты. Впрочемъ держалъ себя очень хорошо, кромѣ того, что одѣтъ былъ не въ полную форму. Мы съ нимъ очень хороши, и потому ты ничего не опасайся. Онъ мнѣ давалъ читать приготовленную имъ рѣчь, которая очень учтива. Потомъ пришелъ жандармъ звать обѣдать къ губернатору. Въ два часа пріѣхалъ ко мнѣ Пильховскій, потомъ N, который надоѣлъ ужасно и грозится непремѣнно пріѣхать со мною въ Кулеватово въ субботу. Ну, другъ мой, несмотря на все мое желаніе исполнить твою волю, не могу за этотъ его ужасный замыслъ. Его ставятъ въ кандидаты губернскаго предводителя, только какъ очистительнаго козла, чтобы сбить съ толку Араповскую партію. Затѣмъ явился ко мнѣ Долотовскій съ искреннимъ желаніемъ быть исправникомъ. Въ три часа я поѣхалъ съ визитами, сперва къ Арапову, съ которымъ были деликатные разговоры и ни полслова о выборахъ. Вдругъ вбѣгаетъ N—скій предводитель и, не видя меня, съ восторгомъ говоритъ: еще преданный Вамъ дворянинъ! И подаетъ ему бумагу. Тутъ я, уѣхалъ. Гагарины въ фальшивомъ положеніи: желаютъ быть губернскимъ предводителемъ и не увѣрены въ выборѣ. За обѣдомъ у губернатора уже никого изъ прислуги не было въ ливреяхъ, зато чехли съ мебели сняты. Жена его не обѣдала съ нами, но до обѣда мы видѣли ее, т.-е. тѣ, кто хотѣлъ, въ ея кабинетѣ. Обѣдъ былъ приличный, только Булгаковъ озадачилъ тѣмъ, что когда подали кушать, то онъ сѣлъ прежде всѣхъ за столъ и сидя приглашалъ садиться. Онъ сидѣлъ посерединѣ длиннаго стола, противъ него сѣлъ Сабуровъ и пригласилъ меня въ сосѣди. Все шло очень хорошо. Во время жаркого подали шампанское, которое долго стояло въ рюмкахъ, наконецъ кто-то всталъ и провозгласилъ: Ваше Пре-

восходительство! Ваше здоровье! И всѣ за нимъ. Яковъ Сабуровъ спрашиваетъ Булгакова: дадите Вы намъ еще по бокалу?—Не знаю.—А то бы мы выпили за здоровье князя (указывая на сидѣвшаго подлѣ Булгакова Гагарина). Вопросъ былъ неумѣстный и неловкій, хотя Арапистовъ и не было. Булгаковъ покачалъ головой и остался въ непріятномъ положеніи, потому что Гагаринъ былъ свидѣтелемъ и предложенія, и отказа. Наконецъ Булгаковъ въ объясненіе и въ успокоеніе пошепталъ что-то Гагарину, а Сабурова, за дурное поведеніе, назвалъ раза три шутомъ гороховымъ. Затѣмъ исторія кончилась, только Булгаковъ сильно уговаривалъ всѣхъ пріѣхать въ клубъ, почему я вынужденъ былъ записаться въ члены. Въ кабинетѣ Соловой ужасно шумѣлъ, а Кутайсовъ пришелъ говорить, что Александръ Хрущовъ рѣшительно отказывается отъ предводительства. «Ну что, Давыдовъ, вѣдь, я знаю, ты не пойдешь. Не Наполинскаго же выбирать! Выбирайте лучше меня. Хочу на послѣдяхъ покомандовать». Надо тебѣ замѣтить, что мы съ нимъ такіе друзья, что глядя на нашу дружбу, сторонніе люди плачутъ. Даже отъ Арапова къ губернатору ѣхали вмѣстѣ къ каретѣ. Онъ очень счастливъ, что Лейхтенбергскій покупаетъ его имѣніе и послалъ уже довѣренность на совершеніе купчей.—Ну смотри же, Кутайсовъ,—говорю я ему, ежели ты прокутишь оставшіяся у тебя деньги, то тебя надо просто палками бить.—Нѣтъ, братъ, ужъ довольно попробовалъ. Если бы не дѣти, такъ другое дѣло, а то дѣти.

Часу въ девятомъ прибыли Кругликовы, изъ которыхъ Павелъ отправился скоро къ себѣ, а мы съ Дмитріемъ, напившись чаю, поѣхали въ клубъ, гдѣ застали немного, въ томъ числѣ и Булгакова. Особеннаго ничего не произошло, только Николай Хрущовъ такъ смѣшенъ, что мочи нѣтъ. Онъ подошелъ ко мнѣ знакомиться и смѣшилъ до умору. Въ двѣнадцатомъ часу вернулись домой, и я, раздѣвшись, принялся писать къ тебѣ»...

Н. Давыдовъ.